

А.С. Тыренко

Под серпом и орлом

Москва
2009

А.С. Тыренко

Под серпом и орлом

**Москва
ООО ИПЦ “Маска”
2009**

УДК
ББК
Т93

От былого — к заметкам о восхитительной нынешней жизни. Читатель побывает в котловане будущей хрущобы, в грузовом порту, в голодном областном центре, в ракетной дивизии, на полях развитого социализма, на стройке бывшего коммунизма и в хозяйстве у начальника транспортного цеха. В современном разделе книги — монетизированные пенсионеры, делёж трубы, башня “Россия”, день лобызайцев, и прочие заморочки новой страны. Завершают книгу заметки о неутомимой борьбе против мучительного здоровья.

Т93 А.С. Тыренко
«Под серпом и орлом»
М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2009 — ... с.
ISBN

УДК ...
ББК ...
Т93

ISBN

©А.С. Тыренко, 2009

От составителя

Да простит меня читатель, но не могу я для него ни спеть, ни сплясать, ни на дудке сыграть, ни кино показать. А уж от моих рассказов всякий может отмахнуться: “Кому они интересны, кроме самого сочинителя?” Возможно. Хотя — *нам не дано предугадать*. Из предложенных сюжетов пусть один да запомнится. *Значит, это было не зря*.

Давно нет страны, в которой жили. Но это не значит, что не было ни её, ни нас самих. Мы, теперешние, — всё ещё оттуда. Даже те, которые едва родились и уже катаются на маминых джипах.

Нынешняя жизнь пришла из былой страны. Поэтому в книжке они тоже вместе.

СССРия

СССРия

День плачущей Лягушки

Нас выстроили в спортзале. Директор давно уже не говорил, а сипел — из-за больного горла. Поэтому гвзету с чёрной каймой зачитывал завуч. Хотя чего читать-то: радио с шести утра — всё о том же.

Стою, терплю вместе со всеми. Вдруг одноклассник Лёнька Дейнекин тычет меня в бок и ехидно вякает: "А Лягушка — плачет!". Это про нашу немку лупоглазую. И так мне смешно стало! Прямо распёрло и трясёт от смеха. Но главное — от страха: вдруг заметят. Между тем этот гнус Лёнька не унимается: "Тыр, Тыр, глянь, как Лягушка плачет!" Уж не помню, как мне удалось придушить себя и не разгоготаться.

Не поймите меня правильно. Ничего политического. Но именно таким запомнилось 5 марта 1953-го.

Марту повезло на сомнительную знаменательность. В один из его дней, а точнее, 23.02.1917 (по старому стилю), некий российский правитель что-то пообещал женщинам. Правитель тут же от власти отрёкся, но было поздно: страна уже решила, что теперь любить женщин круглый год не обязательно. Хватит с них и 8 марта (по новому стилю). С чем и приходится поздравлять.

Для поздравлений назначен ЖД. Это не про паровоз. Про жендень. Мне он памятен с 1948-го. Тогда он уже был, хотя и не выходной вовсе. Учитель продиктовал нам, первоклашкам, поздравление для мам. Велел разукрасить и вручить. Слов не помню. Помню только, что сам никогда бы их не выговорил. В семье у нас они были не в ходу.

С той поры ЖД — неизбывная неловкость. Враньё и притворство. Но мне их всех жалко. Особенно тех, которые сами себе цветы покупают.

А ещё — тех, кто в этот день работает:

Маня, будь здорова!

Вот тебе букет! —

А она Восьмого

Моем тувалет.

Да простят они нас.

05 и 08.03.2009

Б/у (большой учёный) на полях развитОго социализма

Безропотные ближнезарубежные труженики кучно, по-муравьиному, долбят лёд во дворе. Невольно припоминаю: а кто, собственно, делал это при развитОм социализме? — Да я же! Как высокооплачиваемый и остепенённый (дурака не пошлют!) представитель великой резервной трудармии наукообразных.

По Эйнштейну, учёное звание позволяет предаваться праздности под видом научных размышлений. По определению, заниматься наукой — значит удовлетворять собственное любопытство за государственный счёт. Дети научного сотрудника на вопрос о том, что делает папа на работе, отвечают совсем просто: “Сидит на стуле”. По мнению народа, учёный на работе ничего не делает, а только пишет.

Власть называла себя народной и, естественно, была с народом согласна. Поэтому в свободное от умных размышлений время муравьям из всяческих НИИпроектов сплавляли любую гнусную трудовинность: скалывать лёд, перекладывать кирпич и выносить мусор на соседней стройке, чистить дорожные лотки от грязи и газоны от опавшей листвы, сортировать гнильё на овощебазе, пропалывать буряк и турнепс, выбирать из грядки картошку, срезать кочаны, грузить мешки с овощами, трястись на сеялках и т.п.

А ещё были политучёба, соцсоревнование и тренировочная пожарная эвакуация с ...надцатых этажей. Апофигей приложения научных сил — встречи-проводы своих и чужих вождей на Ленинском проспекте. Фонарные столбы на каждой стороне проспекта были пронумерованы. Думаете, зачем? — А чтобы сотрудники каждой органи-

зации точно знали, промеж какими столбами им надлежит находиться не позднее, чем за час до проезда суперперсоны. Если учёных сил не хватало, бреши заполняли школьники и студенты: их подвозили автобусами прямо с занятий. Лично для меня вся эта возня имела свой плюс: как бы я иначе увидел живём Фиделя Кастро, Сальвадора Альенде, Агостиньо Нето, Г.-А. Насера, да того же Брежнева, наконец.

А к сельхозработам было не привыкать. Огороды многие московские семьи возделывали с военных времён и до начала 50-х. В войну копали грядки во дворах, на скверах, стадионах, пустырях, а после войны — на бывших полевых аэродромах, под проводами ЛЭП и т.п.

После ликвидации всех (в т.ч. и наших) дворовых грядок нам досталась пара соток в районе нынешней 16-й Парковой, в километре от тогдашнего трамвайного круга. Несколько лет подряд мы вчетвером ездили туда на трамвае, со всеми огородными причиндалами, а осенью вывозили выкопанную картошку. Постепенно, по мере того, как утрясался послевоенный быт, это занятие само собой отпало.

Оказалось, однако, что рефлекс чрезвычайного огородничества во мне сохранился. В начале 90-х появились т.н. карточки покупателя (рис. 3), означавшие, что покупать больше нечего. Тогда и приглядел я участок в полутора километрах от дома, в лесочке рядом с платформой “Левобережная”. Собрал весь металлолом в радиусе досягаемости, возвёл ржавое-корявое ограждение и хворостом довёл его до кондиции плетня. В майские праздники 1991-го поднял свою целину штыковой лопатой и посадил глазкИ. Ударение на последнем слогe: это такой семенной материал экономкласса. Клубень сажают не целиком, а разрезают на несколько частей и кладут по одной в лунку. Каждая такая часть должна содержать эти самые глазкИ — из них должна прорасти будущая ботва. Грядки поливал водой из ближнего пруда.

Видимо, на семена мне попался ранний сорт. Уже через два месяца, в конце июля, воришки повыдергали ботву, до которой дотянулись сквозь плетень. В разорённой грядке я обнаружил вполне зрелые

клубни. Целинный грунт оказался весьма плодородным. Но пришлось срочно собрать урожай, пока опять не нагрянули помощники.

Весной следующего года я пахал на том же месте, уже вроде как хозяин. Делянку расширил: мне взялся помогать старший брат. Видя наши труды, желающие застолбить соседние участки обращались ко мне за разрешением! Я соизволял — пусть живут.

Урожай второго года был явно пожиже: целинное плодородие иссякло. Меж тем грянула всеобщая *обирализация*. Харч резко подорожал, зато возник, и огород опять стал не нужен.

Но это уж потом. А в конце 50-х и долгие годы спустя Московская область оставалась большим государственным огородом столицы. Чтобы упорядочить потоки дармового научно-студенческого труда, к каждому району Москвы был приписан свой подшефный район в дальнем Подмоскovie: к Сталинскому — Уваровский, к Октябрьскому — Озёрский и т.д.

Мой трудовой семестр пришёлся на осень 1958-го. В тот год второй курс приступил к занятиям лишь в середине октября. Вывезли нас в село за 140 км от Москвы, за 20 км от шоссе и за 30 км от железной дороги. Везли как десантников, — на крытых грузовиках военной кафедры.

Наша бригада поселилась на чердаке обычного деревенского дома. Внизу одну половину избы занимала хозяйка, вторую — её любимые свинки. Чердак был общим для обеих половин, а дух на чердаке — соответствующим.

Хозяйка получала от колхоза для нас ржаную муку и пекла чёрный хлеб. И пусть она месила тесто ногами. После двухсменного (от рассвета до заката, с двухчасовым перерывом) рабочего дня в поле запах и вкус домашней буханки казались бесподобными. Побочный эффект от крестьянской еды у нас был ничуть не слабее, чем у хозяйкиных свиношек. Поэтому чердак и низ сосуществовали на равных.

Колхоз был обычным, вполне лежачим. При нас прислали ...на двадцатого председателя, из недавно реабилитированных. В хозяй-

стве был единственный конь. На нём председатель объезжал деревни и бригады. В бригаде — одни престарелые вдовы: от трёх до пяти зубов на всех. Помоложе была только наша бригадирша. Каждое утро она ругалась с председателем и отбирала у него коня. Затем запрягала тягло в плуг, сама шла за ним и наваливалась на рукоятки, — чтобы перевернуть пласт вдоль картофельной гряды клубнями наружу. Мы выковыривали их из пласта, упиравшись в землю носом (рис. 1), бросали каждый в свою корзину, из корзин пересыпали в мешки, а мешки грузили на подводу. Её в конце дня куда-то уволокивал тот же коняга.

Всё это — под многодневным морозящим дождём. Из-за него картошка намертво залипает в земле, а корзины обрастают грязью и тяжелеют втрое. Это беспросветное счастье иногда нарушал внеочередной наряд на заготовку дров в ближнем лесу — для печки в "нашей" избе.

Сколько картофельных га мы успели убрать за полтора месяца, до первого снега, не помню. Колхозный вождь никак не хотел нас отпустить: не дам, говорит, подводу до шоссе. Пришлось уйти пешком. На трассе долго и безутошно голосовали, пока всех не увёз в Москву какой-то прибудный автобус.

До конца 80-х сельхозпринуд был регулярным. Чаще всего это были воскресные массовки. Они неизменно кончались пьянкой на воздусях. После возлияния дойти до конторы оказывалось проблематичным: по дороге надо было перепрыгивать через неширокие оросительные канавы. Кто-нибудь, да плюхнется.

Ещё были двухнедельные бригадные ссылки. Их устаивались только молодые специалисты и закалённые труженики научного тыла. Все эти годы я бережно хранил на антресолях спецовку, фартук, кондовые портки и резиновые сапоги. Однажды эту комплектацию дополнило моё изобретение (рис. 2). Таким самодельным крючком очень удобно было цеплять и грузить сетки с картошкой. Идею быстро подхватили коллеги, а по возвращении на службу я даже оформил рацпредложение. Но его не оплатили: не вписалось в плановую тематику.

Очередной совхоз всякий раз был чем-то вроде внеочередного отпуска не за свой счёт. Исключением были поездки, в которых меня назначали бригадиром. Отвечал за быт, работу и даже за безопасность подопечных, особенно дам. К примеру, однажды вечером вся мужская часть бригады отлучилась в соседнюю деревню, смотреть по телевизору какой-то суперфутбол. Тут и нагрянули аборигены, причём конные. Пришлось мне срочно организовать и держать оборону. Быстро забаррикадировал окна железными койками, велел запереть за мной дверь, а сам вышел на переговоры. Верховые уже гарцевали по веранде барака. Самогонный дух разил явно не от лошадей. К тому же, четвероногие были человечнее двуногих: вздыбленная пьяной рукой седока, лошадь явно боялась задеть меня копытом. Разговора, естественно, не получилось. Зато я отвлек нападавших, — как лёгкая добыча. Пока они разбирались со мной, вернулись наши фанаты и выручили осаждённых. На другой день (!) подросла и местная милиция.

В 1988-м, когда я работал в летнем лагере труда и отдыха (ЛТО) шефом за всё, тревога за доверенных мне школьников была особенно острой. Местные юнцы так и норовили после полуночи вломиться в спальни к старшекласникам через форточки. Дежурил, обходил барак дозором и шугал визитёров. Странно, но они от меня шарахались, хотя я был один среди ночи: из-за повальной феминизации школьного учительства прочий персонал ЛТО составляли исключительно дамы.

Эти дамы терпели мою необходимость, но их раздражало, что на прополке я не только бригадирствую, но и работаю на равных с их учениками. Я выглядел немым укором на фоне их перекура, которым они заполняли весь детский (4-часовой) рабочий день. Хорошо, что сами дети на это негласное противостояние не обращали внимания: им было просто не до того.

Труд на природе если и вдохновлял, то не больше, чем когда-то Льва Толстого, который перемену занятия полагал лучшим отдыхом. Но результат нашего труда порой был удручающим. Например, с утра

грузим несколько машин ящиками с нежной свеколкой для борща. Пока грузили, пока оформляли, пока до Москвы доехали, свеколка увяла, торговля её не взяла, машины вернулись к нам же — разгружаться. Или — с вечера нас предупреждают: завтра в 6 утра быть у конторы. Утром подают машину, везут полусонных к конторе, а там до 10 часов ждём бригадира. Тот с вечера ещё не отошёл и *поправлял голову*. С бригадиром приезжаем на место, но работать без трактора нельзя, а тракторист уже напился, — заждавшись бригадира. К двум часам дня тракторист трезвеет и начинает пахать. Мы радостно распозаемся по бороздам раскладывать удобрения в лунки. В четыре внезапно кончатся мешки с удобрением и солярка в баке трактора. Все свободны!

Коренные совхозные работники нам завидовали. В отличие от них, мы получали натуральным авансом (под будущие заработки в полях) молоко и мясо. Ни того, ни другого местные жители не могли не то что получить в родном совхозе, а даже купить в магазине. Отношение к нам едва не стало и вовсе враждебным после одного недоразумения. В конторе мне выдали накладную, чтобы я получил на пропитание бригады центнер картошки. Предполагалось, что мы просто выкопаем эту картошку на совхозном поле и оформим через весовую. Мы едва вернулись с весовой, как в наш барак примчался некто с дубьём и воплями. Пока он вопил, я инстинктивно сбегал в сельпо. Когда вопли удалось залить из поллитровки, выяснилось: мы не заметили между и слегка обчистили его личную картофельную делянку. Окончательно мирные отношения с трудом восстановились только после второй поллитровки.

В работе аборигены были сноровистее нас, безотказнее и неприхотливее. Но контингент их был однополым и численно ограниченным. Мы собой эту недостачу и восполняли. Практически всегда мы работали вместе, будь то сев, прополка, уборка или сортировка.

Вместе довелось однажды пережить и трагичное происшествие. Была суббота. По шосейке, что за овощехранилищем, ожидался про-

езд свадебного кортежа. Совхозные бабёнки надумали тормознуть кавалькаду, чтобы слупить с жениха выкуп. Нашли в кювете какую-то трубу десятидюймового калибра и перегородили ею дорогу. А трубу, дурёхи, держали перед собой на весу. Случилось так, что раньше свадьбы в трубу угодил самосвал: водитель явно не ожидал в этом месте никакого заградительного действия. В кабине этого самосвала и увезли в больницу двух незадачливых соискательниц выкупа: трубой обеим покалечило ноги. Пока ахали-охали и грузились, подкатила свадьба. Пара машин из кортежа отправилась следом за самосвалом, сопровождать пострадавшую родню.

Может, и не случайно, но в те же дни и у того же овощехранилища исподволь повернулась к лучшему моя собственная судьба. А у новой родни была одна, но пламенная страсть. Дача. Сад и огород. Яблони, картошка, смородина, клубника и прочая слива. Вспахать, посадить, прополоть, убрать. Суперфосфат, зола, компост, навоз. Короче — свежий воздух.

Меня от земледелия воротило. Спасался благоустроительной деятельностью: ежели от пребывания в дачном окопе нельзя отвертеться, надо сделать окопный быт сносным. Пусть будут водопровод, газ и даже ванна с горячим душем.

Лет через тридцать рукастый зять преобразует мои самоделки в удобства третьего тысячелетия. Вот только бывлой сад-огород затопчут колёса. Гороховое поле за забором зарастёт коттеджами. Пристанционное сельпо затеряется среди *маркетов*. Харчей — вволю. И не зачем их выращивать. Потому что нефтяные поля развитого капитализма есть даже в Арктике.

15.01.2006 и 22.02.2009

1. 1958. Упор лицом
2. 1973. Рукокрык
3. 1991. Карточка покупателя

Р/р б/р: мой котлован

Летом 1957-го официозная Москва неуёмно тарыхтела по поводу всемирного фестиваля молодёжи. У меня, как и у всех москвичей, хватало своих забот. Надо было с умом распорядиться двухмесячной свободой между школой и вузом. На каникулы пришлась моя первая настоящая работа. Никакой биржи труда, тем более для несовершеннолетних, тогда быть не могло. Устраивал себя сам. Пришёл в райком комсомола. Там какой-то деятель проэкзаменовал меня по каллиграфии (ну, прямо сюжет из "Идиота") и попросил заполнить какие-то дипломы, числом в несколько сотен.

Зато на другой день он же выдал мне адрес некоего стройуправления (на соседней улице). Там меня оформили на временную работу в должности р/р б/р (разнорабочего без разряда) и направили на стройку, в Старый Зыковский проезд, что в районе метро "Аэропорт".

Стройка начиналась буквально с нуля: дощатая бытовка на краю начерно отрытого котлована. Экскаватор всем хорош, но геометрия у него скорее по Лобачевскому, дуговая. Тогда как для дела нужна яма по Эвклиду: с прямыми углами и плоским дном. Вот эту несообразность мы, т.е. двое-трое р/р б/р, и обязаны были устранить.

Для такой малочисленной команды зачистка котлована — дело неизбежное. Углы и основание мы ровняли-лопатали день за днём, а работы только прибавлялось. По одной из продольных сторон нужно было проложить траншею для труб. Траншея прерывалась колодцами. Колодцы при раскопках поплыли. Появился плотник, стал ладить крепь. Потом поднялась грунтовая вода, появился механик с насосом. Когда пришла пора класть трубы, механик пересел на тракторный трубокладчик, — и так до бесконечности.

Поначалу вчерашний школяр в ампула землеройки чувствовал себя беспросветно измочаленным. С тоской поглядывал на соседнюю школу: там на фронтоне были часы. Дожить бы до обеда! В 12.03 мой бутерброд уничтожен. Лежу на штабеле бетонных плит, подложив под себя сапоги, а под голову — рукавицы. Иногда засыпал, пригретый солнышком, да так, что не сразу и находили. После обеда мне было легче остальных: по закону я работал не 8, а только 6 часов.

К тому времени, когда усталость сменилась выносливостью, стройка стала занятием не изнурительным, а познавательным. Особенно интересно было в помощниках у прораба. Я не просто бегал с геодезической рейкой вокруг и внутри котлована. Прораб научил, как надо переносить на натуру горизонтальную и вертикальную проектную разметку будущего дома. По периметру вкапываются разметочные столбики. К ним пришивается дощатый разметочный пояс. В контрольных точках этого пояса забиваются гвозди. Между гвоздями на противоположащих точках натягивается струна. По струне перемещается отвес. По отвесу центрируются фундаментные плиты и стеновые блоки. Для этого в дно котлована точно под остриём отвеса забиваем колышек. Его верхний обрез выверяем по теодолиту. Если понадобится, заглубляем до проектной отметки. Между парой соседних колышков кладём рейку, на неё — уровень (ватерпас). Это дополнительный контроль горизонтальности.

Под будущий фундамент отсыпаем привезенную на тачках щебёнку и трамбуем под нижний обрез рейки. Когда р/р б/р выровняли грунт и отсыпали щебёночную постель под первую плиту, работу приостановили: завтра придёт большое начальство — для торжественной закладки Первого Камня. На другое день, при большом стечении руководящих животов, трубоукладчик действительно опустил с борта котлована в яму бетонную плиту, а р/р б/р долго ворочали её до проектного положения. Процесс пошёл! Весь план фундамента мы вручную постепенно воспроизвели на дне котлована в виде щебёночного прямоугольника, с поперечными и продольными связями.

Когда пришла пора укладывать на плиты фундаментные и стеновые блоки, трубоукладчик уже не годился. Рядом с котлованом р/р б/р подготовили основание для подкрановых путей. Кран приехал лёжа на роспуске, но оказался самоподъёмным. Уже на другой день он обкатывал рельсы.

Фундамент монтировали профи, а мне поручили гидроизоляцию. Нужно было жечь в самодельной железной печи горючий строительный мусор, — чтобы разогреть битум до кипения. Затем я переливал его в ведро и кистью обмазывал фундаментную стену. Этот напалм однажды капнул на ногу. Дикий ожог не спас меня от выговора: жара не жара, а сапоги на то и выданы, чтобы ими пользоваться, а не щеголять в сандалиях. Весь рабочий день я метался по площадке в поисках всего, что горит. Кочегарил печку. Зачищал и мыл стену — без этого битум не приклеится, а отвалится, как обои от забелённой стенки. Наконец, красил-мазал и перемазывал, если всё же где-то отваливалось.

Все строители считались сдельщиками. Сдельные расценки были копеечными, да к тому же фантастичными, поскольку предполагали работу без простоев. Поэтому прораб, когда закрывал месячный наряд, исходил не из расценок, а из устоявшейся неофициальной цены рабочего дня. Условно говоря, сам прораб стоил 50 руб. в день, механик — 40, а р/р б/р — не больше 30. На нужную сумму прорабы "рисовали" объёмы работ — не менее фантастичные, чем расценки. Так было не только в строительстве, но и везде, где использовалась сдельщина. Например, в транспортном цехе на 50 машин могли таким способом "отремонтировать" за месяц автопарк из 1000 единиц.

Эти "художественные" достижения были известны всей стране. Иногда проводились показушные кампании по борьбе с приписками. Козлов отпущения находили не глядя, на любом предприятии, на любой стройке. Взять могли бригадира, прораба, ну, максимум начальника цеха. Директоров уже не трогали — партноменклатура! А сроки навешивали огромные, даже расстрелять могли. Ведь любой эпизод

можно было копать хоть на год назад, хоть на десять лет — до "особо крупных размеров". Под одну из последних таких чисток осенью 1984-го угодил мой родственник, тогда бригадир в строительном цехе завода. Дали 13 лет, отбыл 7 — до падения советской власти. А за что, собственно, так этого современным россиянам уже и не понять.

Подзаработать — сверх *нарисованной* тридцатки — на своей же стройке р/р б/р могли по ночам. Ближе к осени начался т.н. централизованный завоз. Автопоезд приволакивал за раз 24 тонны силикатного кирпича, уложенного на поддоны — для крановой выгрузки. Обратных поддонов на стройке не было, а штрафы за простой были жёсткими. Поэтому мы с пулемётной частотой просто выбрасывали кирпичи из кузова. Били не меньше половины, зато разгрузка шла бойко. На всю жизнь запомнился запах горячего силиката. За ночь мы опорожняли от двух до шести прицепов. Потом додрёмывали в бытовке до начала рабочего дня. Днём, если не было иной работы, укладывали кирпичную россыпь в штабели. Ночью наше сверхурочное варварство вершилось по новой.

В дело кирпич пошёл только в сентябре, когда я уже начал учиться. Приехав в середине месяца за расчётом, увидел, как растут стены первого этажа. Но подручным каменщика мне доведётся поработать лишь спустя годы и уже на другой стройке.

Весна 2007-го. В Старом Зыковском до изнеможения ищу мою пятиэтажку. В конце концов решаю: вот эта. По расположению и размерам — точно она. Правда, школа рядом — гораздо новее прежней. Но в переулке всего-то десяток домов. Другого такого нет. Стало быть, тут мой котлован, моя разметка, моя щёбёнка, мои ломовые фундаментные плиты, мои ночные кирпичи. В этом году им 50 лет. А народ пусть живёт. Вопреки юбилею.
31.01.2006 и 05.04.2007

Медный задник

Осенью 1960-го, в разгар овощного завоза, кто-то из лыжной команды соблазнил меня быстрыми деньгами. Мол, вечером — паспорт, ночью — физкультура, утром — четвертак и айда спать на лекции. Кто не понял, четвертак — это 25 р. В те поры стипендия на четвёртом курсе была чуть меньше. И, главное, никакой оформилочки, позволений-разрешений и т.п. К тому же — абсолютно свободное посещение: хочешь, — придёшь работать, не хочешь, — не придёшь. Вольница для советских времён немыслимая и, очевидно, вынужденная: в Южном порту Москвы уже вовсю кучковались неразгруженные баржи.

Одна такая досталась и нам. Кладовщик показал набор упражнений. По команде "Майна!" порталный кран подаёт в трюм пару поддонов. Кладём их впритык посреди моря мешков с картошкой. Затем каждый черпает из этого моря и кладёт добычу на поддоны, в 5 ярусов, перекрёстно, по 10 штук в каждом. До команды "Вира!" надо ещё подвести тросы под крюки поддонов. Вместо унесённого в небо штабеля сверху прибывает очередной порожняк. Упражнения повторяются, как "муси-пуси" в современном шлягере, — до полного изнеможения исполнителей.

К утру из того, что от нас осталось, вычитают подходящий и бездетность, выдают на руки по двадцатке и гостеприимно просят заходить ещё. Чтобы расписаться в ведомости, держу авторучку распухшими пальцами обеих рук. Дальше всё на автопилоте: автобус, метро, институт, трамвай и тренировка (!), после которой некоторые железные человеки вернулись в Южный порт. Меня среди них не было. На этом свой первый, любительский подход к силовым тренажёрам я и завершил. Но только для того, чтобы уже ближайшим летом перейти в профи.

Тут уж без барьерного бега за цидулками не обошлось. Чтобы устроиться на временную работу, потребовалась, например, идиотская справка о том, что у меня, студента, летом — каникулы. Зато после оформления можно было пахать в две смены, с глубоким заходом в осенний семестр. Контора "Мосмехпогруз" грузила не смех и не мех. Название идеологически маскировало каторжный ручной труд под якобы механизированную погрузку. К тому же, расценки при работе с механизмами были на четверть выше обычных. В общем, "Мосмех, — как много в этом звуке..."

Направили меня на завод "Электропровод", в районе тогда Ульяновской, а сейчас, кажется, Николо-Ямской улицы. Склад готовой продукции — асфальтированный плац, покатый в сторону выездных ворот. На плацу — стройные (кое-где двухъярусные) ряды дощатых кабельных барабанов, диаметром от метра до двух с половиной и весом от 100 кг до полутора тонн.

Мне, новичку, бригадир разъясняет порядок действий. По биркам на барабанах ищешь те, что надо погрузить на машину. Нужные выкатываешь из ряда вон. Для этого иной раз придётся раскатать второй ярус. Дальше — управляемый спуск. Барабан сам катится под уклон, а ты пятишься впереди него и работаешь тормозным двигателем. Мягкая посадка, в смысле, остановка — под крановым захватом. Поднять и расставить барабаны в кузове — высший пилотаж: груз не должен перекосить машину или, не дай бог, кататься по кузову. Мне эту конечную операцию доверили только через месяц.

За всё про всё — 32 копейки в час, или около 60 рублей в месяц. При такой зарплате коллеги ежедневно получали от своих жён по рублю на обед. И неизменно пропивали эти деньги ещё до обеда и вместо него. Поллитровку за 2.87 покупали втроём. На сдачу брали карамельку. Именно тогда слово *строитель* стало ассоциироваться у меня с глаголом *строиТЬ*. Выживали ребята только благодаря молоку (его давали за трудовую вредность) и хлебу: тогда в столовых он был вроде как бесплатным. Я, как и многие другие, брал из дома "тормозок":

батон разрезается по горизонтали, а внутрь грузятся котлеты, яичница и т.п.

Начальство понимало, что 60 р. — не зарплата, и шло навстречу. Сверхурочные оплачивались как полная смена, да ещё по двойному тарифу. Иными словами, прихватывая ежедневно час-два, я умудрялся утроить изначальный мизер. После основной смены под разгрузку прибывали контейнеровозы с проволокой. Охочие до работы жадно откидывают борта. Разводящий выкатывает бухту за бухтой из контейнера. Остальные подходят по одному, каждый уносит бухту в цеховой склад и там кладёт её на штабель, до восьми рядов.

Всё бы хорошо, но бухта медной проволоки весит от 150 до 200 кг. При первом подходе грузю одну такую на плечо. Перекошенный, тащу на склад. Едва не переломившись, сбрасываю — мимо штабеля. Мужики вшестером (!) поднимают и укладывают бухту на место. А мне объясняют: надо не вешать медную "баранку" на плечо, а просунуть руку в отверстие как можно дальше, — чтобы бухта легла на спину, или, как говорили грузчики, на задник. Так легче тащить и проще сбрасывать — резким толчком от себя. Иначе можно просто сломать позвоночник.

Науку усвоил сразу, со второго подхода. Мимо штабеля уже не мазал, разве что от крайней усталости. Со временем даже загордился: как-никак, тягаю не меньше Власова или Жаботинского. За несколько месяцев на мне вырос почти пуд мышечной массы: если в августе весил 65 кг, то в конце ноября — около 80.

Правда, не подозревал, что от трудов *прамедных* моя спина исполосована зажившими шрамами. Когда мать однажды случайно это обнаружила, с ней была истерика. Случилось это уже в разгар овощной кампании. Весь "Мехпогруз" мобилизовали работать по две смены. Нашу заводскую бригаду бросали с одной товарной станции на другую. Однажды наряд выпал на Южный порт. Круг замкнулся. Я уволился. Тем более, что уже замаячила преддипломная практика.

27.01.2006

Курортный разъезджамс

Как она мечтала съездить на юг! Обидно до изнеможения: ей уже 21 год, а она ни разу там не была. Одной боязно, вдвоём рискованно, а в компанию никто не звал. Вот и теперь: последние институтские каникулы, жарит июль, и снова — безвылазно, в московском полуподвале.

Место не такое уж скверное и даже романтичное: позапрошлой зимой у дверей такие долгие случались расставания. Хотя вспоминать отчего-то неловко. Ей тогда однокурсник нравился. Ездил к нему чуть ли не каждый вечер. И всегда у него этот его друг обретался. Однажды в провозатые напросился. Вроде как попутно. Потом повадилась. Она даже привыкла. Позволяла себя обнять на прощанье. Он уходил, потрясённый. Странный парень. Впрочем, теперь ему не до неё: угораздило его после института явно не туда.

Только ошиблась она. Потому что он-то её на юг и позвал. Получила она его открытку и — закружилась. Сначала у матери отпроситься. Ну, мать его знала-уважала, так что не возражала и даже денег на дорогу посулила. Сложнее было с летней практики слинять. Тоже утряслось. Билет по телефону на дом заказала. Осталось самое трудное: решить, в чём ехать, что надеть, что с собой, что купить и т.д.

Итак, завтра ехать. Она даже не стала отвечать на его приглашение. Ни письмом, ни телеграммой. Пусть ему будет сюрприз.

Она придавила коленкой крышку чемодана. Защёлкнуть замки помешал телефон...

Когда в военкомате спросили, куда оформлять воинское требование на билет по случаю предармейского отпуска, он озлился: «Да никуда я не хочу!» Потом махнул рукой: «А, пишете — к морю!»

Если б он знал, что базарный прибрежный город считается ещё и курортом, ни за что бы не поехал. На курортах он никогда не был, но воображал их неким царством транжир и бездельников. Оказаться в их компании полагал для себя немислимым.

Неприятности начались с вокзала. Увидел вывеску «Курбюро» и сразу захотел назад. Укатил бы, но надо было отметиться в комендатуре. Потасился туда по жаре. Отмечать сразу убытие постеснялся: «Ладно, прокантуюсь день-другой».

В воинской гостинице, как и в любой другой, мест не было. Зато дали адресок. Бойкая деваха поселила пока ещё *бесформенного* лейтенанта вторым жильцом в проходной камерке своей хижины. Первым был тоже, кажется, военный. Ни видом, ни лицом не запомнился.

Кособокая халупа громко числилась по улице Гагарина. Ключ был только у хозяйки. Утром она уходила на работу и запирала наружную дверь. Важно было исчезнуть до того. Иначе — только в окно. А потом сторожить его до вечера: открыто же. Возвращаться раньше хозяйки тоже смысла не было. Короче, день за днём безо всякого дела, кроме пляжного трамвая. Первое свидание с местным солнцем кончилось, как у деда Щукаря: «Тут с него шкурка-то и полезла». Остался лейтенант даже без пляжного занятия. В чужом городе, где никаких знакомых.

Слонялся по улицам. От асфальта и брусчатки восходил жар. Пока шёл до *ідальни*, с тоской хихикал на вывески: *Держбанк, Ощадна каса, Приём до прання білизны від громадян*. Катался на смешном, одновагонном, трамвае до 13-й линии Большого базара. Вечерами зеленел от скуки в городском парке имени культуры. Потом уползал в свою ночлежку.

Ночлежный напарник скоро съехал. Подумалось: “Сюда бы по-другу”. Отправил открытку и ещё неделю ходил на почту за ответом.

Потом надеяться перестал. Отметился, наконец, в комендатуре и
облегчённо вздохнул: откурортился!

Из дома первым делом позвонил ей.

Лучше б не застал.

20.12.2008

Сапоги под лампой

Чуть ли не в первый день Нового года лейтенант стратегического назначения возвращался в часть. Только-только переучился с автомеханика на высоковольтника. Ему ещё повезло. Всё-таки инженер. А каково было недавним шкиперам, артиллеристам и прочим политпросветчикам? Но — такая в тот год была кадровая стратегия: всех, кто на глаза попался, под высокое напряжение готовить.

Перековочное заведение именовалось длинно и загадочно: *высшее, военное, командное, трижды орденоносное, имени 30-летия* и т.д. Где оно находилось, лейтенант на всякий случай забыл. Запомнил только, что неподалёку в подвальчике круглый год подавали вареники с картошкой, а в декабре аборигены вовсю жили без пальто.

Зато курсантов поверх формы одели в полуштатские лопсердаки на меху. Не утепления ради, а секретности для. Чтоб жителей лишними погонами не смущать. Да и от греха. Потому что когда местный хлебозавод на ремонт встал, а хлеб, естественно, исчез, население сразу сообразило бы, *кто хліб з'ів*. Короче, учиться тепло было. А куда прибыл, там минус тридцать. Такая уж климатическая норма.

Прибыл, однако, в чём убыл. Остальное на месте получить предстояло. От поезда до армейской попутки вприпрыжку доскакал. Под тентом, среди попутных шинелей, кое-как выжил. На первом КПП поваялся в ногах у начальника караула, чтоб в вагончик пустил. *Повесть о настоящем человеке* отодвинулась, но маячить не перестала: ведь до места — далеко, на перекладных.

Когда высадили его у предпоследнего поворота, темнеть стало. Ноги погибали. Сам грелся о собственные матюги. Костерил того са-

пожника, который шил хромачи исключительно красоты ради. Эстет хренов. Не мог чуть уширить. Стачал, будто по слепку. Аж задники при ходьбе расплзаются. Лейтенант одубело приплясывал и отчаянно семафорил попутным фарам.

Свет на горизонте возникал всё реже. Огни приближались, а потом будто извинялись и мигали на поворот. Матюги иссякли. Губы смёрзлись. Глаза остекленели. Поднятую правую руку приходилось поддерживать левой, как шлагбаум. Зато сапоги больше не жали. Потому что ног внутри них уже не было. А то, что было, леденисто и несгибаемо взбрыкивало. Организм примерял на себя участь надежды...

«Козёл» проскочил мимо, потом будто спохватился, занял по обледенелой колее и нетерпеливо бибикнул. Стратегический отморозок обречённо поковылял к машине: ещё тридцать вёрст под продувной тряпкой тента. В приоткрытую заднюю дверку заполз на локтях.

Сел и прикрыл глаза рукавом. Как бы от света. На самом деле — спрятал слёзы. Беззвучного счастья. В машине было — тепло! Даже жарко. Потому что свет исходил от паяльной лампы. Ушлый шофёр привинтил к полу обрезок широкой гильзы и вставил в него подручный огнемёт. Синеватое пламя жарило во всю мочь и упиралось в раскалённый асбестовый экранчик.

Спасённый переложил руками ноги поближе к огню. Меж тем и глаза оттаяли. Разглядел спасителей. Два майора и рядом с шофёром ещё кто-то. Один из майоров стал расспрашивать:

— Далеко ли?

— На дальнюю площадку.

— Довезём. Только что-то я такого лейтенанта не помню. Вы командиру части представлялись?

— А что, это обязательно?

— Хм... Как же Вы у нас до учёбы жили, без ведома командира? Кто Вас на учёбу отправил?

— Как жил? Неделю не жрамши в общежитии. Потом генерал молодой появился и сам в дивизию отвёз. Он, оказывается, комдив

и есть. По дороге всё какого-то Барашкова ругал. Мол, лейтенанты у него без дела голодают и на койках валяются. В дивизии накормили и в особом отделе погутадили. Тамошний полковник тоже Барашкова поминал. За безрежимных лейтенантов. Потом в кадры меня сдал. Оттуда учиться послали. Перед отъездом велели доложить. Всё тому же Барашкову. Только почём я знаю, где его черти носят.

При последних словах тот, что рядом с шофёром, резко повернулся:

— Извольте завтра же прибыть ко мне и представиться по уставу. Я — командир части, полковник Барашков.

Отогретые пятки отозвались несбыточным и неистребимым желанием немедля их почесать.

22.12.2008

Казанский вокзал на Вахше

Заглянул в свою старую научную публикацию, из цикла "Если нельзя, а надо, то можно, если". Статья напомнила, зачем меня носило в жаркие края. К примеру, на Рогунскую ГЭС. Там, — чтобы насыпать самую высокую в мире плотину, — соорудили подъездную автодорогу с тоннелем. Для ма-аленьких самосвалов, которые тогда были самыми большими. Пока проектировали и пробивались сквозь гору, самосвалы выросли раза в три. Кто виноват, разобрались без меня. Что делать, пришлось разбираться мне, летом 1988-го. То была моя последняя поездка в страну СрАзилию. А началась моя СрАзиИллиада в 1969-м, когда я оказался — по большой научной нужде — в Ташкенте.

Город уже был восстановлен, а точнее, частично выстроен заново. Я увидел современный центр и Чиланзар. Покатался на метро, первом в Средней Азии. Его землетрясение не затронуло. Вообще, если верить московским газетам, разрушились, в основном, старые, глинобитные постройки, а современные дома выстояли. Не знаю, может, так оно и было, но при мне город все ещё жил памятью о катастрофе трёхлетней давности. Любой разговор с коллегами неизбежно переходил на землетрясение 1966 года. Его сравнивали с ашхабадской трагедией, случившейся 6 октября 1948-го. Тогда туркменская столица в одночасье обратилась в руины. О том, насколько пострадал Ташкент, могу судить лишь косвенно. Летом 1966-го оттуда пришлось вывозить детей. Многих приняли подмосковные пионерлагеря. Были ташкентцы и у меня в отряде (то был мой второй вожатский сезон).

В ташкентской гостинице удивил мужской междусобойчик. В холле — дюжина брюнетов в тубетейках. Сидят на ковре вокруг са-

мовара и... беседуют. Про себя отметил: наши давно бы напились и передрались. На улицах — вездесущий запах шашлыка. За 2 р на любом углу угощают вполне угрызабельным мясом: в Москве его в ту пору было поискать. А вот местные пельмени (манты) оказались несъедобными. Внешне вполне аппетитные, они были начинены обжигающим бараньим салом и огненным перцем. Вообще же, из восточной еды больше всего понравились лепёшки. Их продавали прямо из пекарен, ещё горячими. Нам, командированным, они заменяли не только хлеб, но порой и еду вообще.

Мой научный руководитель, с которым мы прилетели из Москвы, возжелал вяеной дыни и повёл меня на городской базар. Впервые я увидел, как люди торгуют тем, что проще выбросить, нежели продать. Старая железяка, стоптанный башмак, оторванная пуговица, разбитая тарелка, драная тряпка — всё на продажу. Вряд ли кто это купит, но продавец весь день при деле. Нечто похожее я видел в Москве, но уже в начале 90-х: на подходе к станции Ховрино коробейники раскладывали прямо на асфальте мелкий железный хлам. А на восточном базаре запомнились палатки, где были вывешены чёрные (так коптят, что ли?) куски мяса. Когда подходит покупательница, продавец взмахивает рукой, и... чёрное мясо в миг обретает естественный, красный цвет, а над палаткой взвивается туча мух. Самое удивительное: товар берут и не боятся есть.

При первом посещении Ташкент был не конечной, а промежуточной целью поездки. Отсюда мы уехали на поезде, который больше суток волокся "по долинам и по взгорьям" до Уч-Кургана. Дальше автобусом добрались до Таш-Кумыра. Там работали проектировщики Токтогульской ГЭС. На стройку в Токтогул помог попасть начальник тамошнего автоцеха, некто Добровольский. Он выслал за нами в Таш-Кумыр (это около 150 км) персональную "Волгу" — разумеется, за казённый счёт. Апрельская дорога вдоль Нарына запомнилась алой россыпью тюльпанов на зелёной траве горных склонов. Увы, горные тюльпаны — цветы не для Прекрасной Дамы: едва сорванные, они

мгновенно увядают. Тюльпанами довелось повосхищаться и на обратном пути. Довольно быстро мы утрясли наши дела в Токтогуле. Та же "Волга" примчала нас в аэропорт Андижана.

Отсюда до Ташкента Як-40 тряс нас в небесах вместо 40 минут больше часа: обходили грозовой фронт и долго кружили в облаках. Когда второй пилот выходил в салон, сквозь открытую дверь кабины было видно, что лётчикам впереди ничего не видно! До сих пор удивляюсь, как они умудрились найти дорогу и не врезаться в горы. По прибытии в Ташкент самым трудным оказалось вернуться в Москву. Даже в день первого прилёта билетов не было на месяц вперёд. Выход, конечно, нашёлся. Кладёшь в паспорт червонец (суточные без малого за четыре дня!), и кассир без звука проставляет дату вылета в твоём безналичном обратном билете. Можно было обойтись и на халяву: местные коллеги через своё начальство добывали для "нужных" московских гостей какую-то мифическую "бронь обкома".

В августе холерного, 1972 года, когда в Москве жарило до +36 °С, мы с механиком отправились в Таджикистан, на Нурекскую ГЭС. Незадолго до этого Сталинабаду вернули изначальное название кишлака Дюшамбе, но почему-то в новой версии, Душанбе. После прилёта и до автобуса на Нурек было время прогуляться по городу. Главные столичные улицы удивили открытыми водостоками. По обе стороны проезжей части проложены арки, в которых непрерывно журчит вода. Течёт невесть откуда и неведомо куда, унося с собой придорожный мусор. Очень удобно: никаких водосточных решёток.

Лицо города — вывески и лозунги. И то, и другое тогда воспроизводилось на двух языках. Первым делом усвоил социально значимые: *нон* (хлеб), *широб* (молоко) и *гушт* (мясо). Потом не менее значимые: *китоб* (книги), *Хуш омадед!* (Счастливого пути!) и *Шану шараф ба КПСС!* (Слава КПСС!). В общем, прекрасное пособие для начинающего полиглота. Особенно если учесть, что таджикские тексты изображались кириллицей. Хотя исконная персидская, иначе говоря, арабская письменность тоже была в законе. Её изучали в школах,

а в книжных магазинах я видел множество изданий, отпечатанных за-тейливой вязью. Кстати, в этих же магазинах свободно лежали русские книги, которые в Москве считались непроходимым дефицитом, в частности, классика. На радостях кое-что приобрёл — в пределах относительно свободных средств. По слухам, в 90-х годах кириллицу заменили на латиницу. Шило на мыло, конечно, но кириллица хотя бы успела стать привычной. Не знаю, кому как, а мне, например, очень трудно транскрибировать русские слова латиницей или немецкие — кириллицей.

До Нурека ехали сначала километров 25 в гору. Перед автобусом долго маячил упёртый велосипедист. Когда его всё-таки удалось обогнать, выяснилось, что в седле — юная дама. Народ бурно реагировал, а я подумал о своём: бегОм слабО? После контрольной остановки у поста ГАИ на перевале Чормазак автобус сваливается в штопор и стремительно раскручивает одну серпантину за другой. Входя в очередной спуск, водитель поддаёт газу и разгоняет машину, — чтобы перед самым поворотом внизу резко затормозить. Такое впечатление, что шоферов здесь учат с точностью до наоборот. Нам-то вдалбливали: тормозить двигателем, тормоза беречь, не перегревать и т.п.

Потом мне не раз ещё приходилось быть пассажиром у здешних автоджигитов. Манера у всех одинаковая, пещерная: разлететься до-нельзя и вдарить по тормозам. Мне повезло: остался жив. Чего не скажешь об одной паре, которая буквально на моих глазах врубилась на мотоцикле в колесо огромного самосвала. Парень лихо разогнался с горы, а под горой поперёк шёл поток машин. О тормозах камикадзе, видимо, даже не успел вспомнить: и его, и пассажирку при ударе разнесло в клочья.

У русских шоферов такого суицидного безрассудства я не наблюдал. Однажды для эксперимента спровоцировал водителя разогнать под горку гружёный БелАЗ, на котором мы поставили рабочую аппаратуру. Поначалу шеф весело погнал огромную машину, но перед серпантиной побледнел и лихорадочно нажал сразу на оба тормоза —

основной и гидродинамический. Чудом удалось не перевернуться. Больше мы с ним таких опытов не повторяли.

Руководство гидростроя отлично знало повадки местных наездников, но отказаться от их услуг не позволяла политика: сверху предписано было поддерживать национальные кадры. Поэтому, чтобы не рисковать людьми, в Нуреке и Рогуне на работу и с работы их возили по горным дорогам т.н. караваны, иначе говоря, колонны служебных автобусов, с ГАИшной "Волгой" впереди.

Но об этом я узнаю после. А пока мы съезжаем с перевала в долину. Когда дорога стала положе и по прямее, я смог разглядеть, что такое *кишлак*, кто такие *дехкане* и как выглядит *кетмень*. Слова были знакомы с детства по восточным сказкам, а тут они впервые для меня материализовались. Бедность обитателей горных кишлаков даже из окна автобуса выглядела удручающе. За глухим глинобитным дувалом, закрывающим жилище со стороны дороги, — только навес, земляной пол и никаких удобств. Вместо водопровода и канализации — горный ручей. Вдоль него и выстраиваются убогие хижины. В тылу у каждой — взгорье, на котором муравьиным трудом многих поколений возделывается террасный сад. При этом растительный грунт (а под ним — только камни) тщательно берегут от смыва и сползания. Каждую ступеньку террасы держит подпорная стенка из собранных тут же камней.

Я не склонен обобщённо судить о нациях: в каждой есть люди всякие. Но на первый мой взгляд, таджики невероятно трудолюбивы, неприхотливы, безответны и доброжелательны. Сейчас, когда они старательно, изо дня в день, вычищают снег и лёд с одних и тех же дорожек в моём дворе, мне снова хочется так думать. Хотя восточное трудолюбие своеобразно. Уже на подъезде к Нуреку вижу поле. Оно пестрит полосатыми платями. На краю поля, под тенистым деревом, дремлет единственный мужик, по виду учётик. Позже, впервые зайдя в местную чайхану, я невероятно удивился, увидев за кассой могучего детину. Правда, мне говорили, что торгуют здесь, в основном, узбеки.

Но уж очень несуразен богатырь, выбивающий чеки, — будь он хоть трижды узбек.

Автобус привёз нас на окраину Нурека. Гидростроители, населяющие посёлок, — почти поголовно приезжие из России и с Украины. [Хорошо, что хоть здесь никто не принудит меня к политкорректному *из Украины* или *в Украину*. К примеру, немцы строят подобные словосочетания так, как велит их грамматика, а не политика. Говорят и пишут *nach Russland* (на Россию) и *in die Schweiz* (в Швейцарию). С какой стати мы должны уродовать свою речь из-за чьих-то самостийных амбиций?]. Приезжий люд ностальгически окрестил разворотный пятачок для душанбинского автобуса Казанским вокзалом.

Он, разумеется, ничем не напоминает своего московского тезку. Ещё меньше напоминало гостиницу то, что нам поначалу предложили под этим названием. Посреди каменистого пустыря возведён навес, под которым — ряд голых железных кроватей. За 70 коп. в сутки выдадут драный, грязный матрац. Всё! *Камера хранения, постель, туалет* — такие слова здесь не в ходу. А нам тут жить месяц. К тому же, у нас не только личные вещи, но и аппаратура. Пошли в контору, добрались до самого начальника гидростроя. В итоге поселились во вполне приличном отеле для белых людей. Всё хорошо, но одноэтажка слишком привлекательна для ночных воров. Однажды один такой шагнул было к нам через распахнутое окно. Пришельца мы изгнали, но окно после этого на ночь закрывали.

Затем нас направили в общежитие. Оттуда мы просто сбежали: канализация не работала, и нечистоты текли рекой с верхних этажей на нижние. Тогда постоянным пристанищем стала для нас комната отдыха водителей на автобазе. Самосвалы всю ночь утюжили наши головы. От ночной жары я спасался по-своему: замачивал под краном простыню и заворачивался в неё. После работы отмывались под огненно-холодным душем на той же автобазе. Меж тем вместительная капитальная гостиница уже всю строилась, так что через год я и в ней ещё поживу с комфортом.

Рядом с Казанским вокзалом — чайхана, некий симбиоз местного быта и советского общепита. Кухня восточная и среднерусская сразу. Под навесом расставлены обычные столы со стульями. В красном углу — дастархан, возвышение, покрытое грязным ковром. На ковре обожают сидеть аборигены, причём не снимая сапог. *Приносить и распивать* по-русски здесь не принято. Однажды видел, как чайханщик в сердцах расколол о камни "огнетушитель" с портвейном, который заезжие молодцы приволокли с собой для аппетита. Заведение вполне оправдывает своё название: основное блюдо — зелёный чай. За пятачок чайханщик бросит щепоть чего-то в фарфоровый чайник с отбитыми носиком и зальёт это что-то кипятком из титана.

Поначалу бесцветное пошло с рыбьим запахом казалось мне обратным. Но когда день за днём живёшь и работаешь при сорокаградусной жаре, зелёный чай становится потребностью. Мой кипяtilьник не вылезал из трёхлитровой банки. Иной раз за день я перезаправлял её по нескольку раз. А к пиалам привык настолько, что даже в Москве потом надолго отказался от чашек.

Понятно, что притащились мы в такую даль не чай пить. Уже на другой день пошла обычная работа. Как и везде, самое трудное — уломать местное начальство. Собственно, нам все и всегда идут навстречу, но как-то странно. Мало того, что на другой день забывают своё обещание. Но ещё и встречают тебя так, как будто первый раз видят. Приходится снова и снова петь всю песню от начала до конца. Так было и в Нуреке, и в Рогуне. Начальнику Нурекского УМ'а (управления механизации), некоему Раззакову, я каждодневно втолковывал, зачем мне нужны бетонные контрольные блоки-разновесы. Мол, для чистоты эксперимента масса груза должна точно соответствовать грузоподъёмности. Экскаватор вваливает, сколько влезет. Сколько, — не проверить: автовесов нет. Те самые блоки, с маркированной массой, валяются без дела до очередных испытаний козлового крана. Дайте мне их на пару дней для опыта. И т.д. и т.п. Раззаков каждый раз слушал, кивал, обещал дать команду крановщику. И за-

бывал. А наутро невинно спрашивал: "А зачем Вам эти блоки, есть же экскаватор?" На пятый раз я усвирепел, крановщика бросились искать при мне и не нашли: запил на чьей-то свадьбе. Я не отступал: дело-то стояло уже неделю. Кончилось тем, что отыскивали автокран и через час проблема разрешилась. В Рогуне такая же история повторилась по другому поводу, хотя здесь УМ'ом заведовал русский начальник. Неделю я ездил к нему, как на работу. Всего и надо было: расчистить габарит тоннеля, иначе говоря, вытащить брошенную там технику и подравнять бульдозером покрытие. Начальник по утрам встречал меня вопросом: "Вы уже закончили свои опыты?" Хотя подлец отлично знал: из-за него я не могу их даже начать. Пришлось натравить на него Большого Начальника. Только тогда дело сдвинулось.

На следующий, 1973 год, в том же Нуреке мы проводили дополнительный эксперимент уже по договору с БелАЗ'ом. Больше всего мне мешал... представитель завода. Он маниакально боялся, что я украду предполагаемый (а в итоге — вполне сомнительный) успех его разработки. Дошло до абсурда: он запретил нам использовать при заездах наш осциллограф. Чтобы не сорвать работу, я пообещал отдать ему осциллограммы непроявленными: пусть сам обрабатывает их по возвращении на завод. Но у меня ведь тоже обязательства — перед его же заводом. В общем, выдал я ему вместо обещанных осциллограмм два рулона пустой осциллографической бумаги. Скандал был, конечно, но потом, когда я уже отчёт составил. На БелАЗ'е народ оказался с юмором: над незадачливым секретчиком подтрунивали, а мою находчивость молча одобрили.

Случались и мелкие неприятности. Однажды поленился тащить теодолит после съёмки и оставил его в будке учётчиков. Утром пришёл: будка исчезла. Прибор тоже. Леня обошлась мне в треть его стоимости. Для работы теодолит пришлось брать взаймы у местных геодезистов.

А однажды случилось то, что называется у воды без воды. Вахш подразмыл берег в зоне городского водозабора и оголил соляной пласт.

Вода из-под крана стала солёной. Население мгновенно раскупило всё, что пьётся — от заржавелой минералки до прокисшей ряженки. Только дня через два то ли водозабор перенесли, то ли очистку наладили: пошла нормальная вода. После этого я впервые по достоинству оценил московский быт: представить себе солёную воду в столичных трубах немислимо. Хотя, например, в Керчи — пожалуйста. Когда приехал туда в 1976-м, то пользоваться местным водопроводом не смог: солёную воду пить было нельзя. Купил закрытую 8-литровую ёмкость и ездил с нею на автобусе к городскому водоразбору. Там из трубы шла пресная вода. Откуда она попадала в ту трубу, осталось загадкой.

Так или иначе, быт и работу можно было наладить. Но некуда было деться от гнетущего горного окружения. Куда ни помотришь, взгляд упирается в гору. К тому же, когда темнело, на противоположном склоне упёрто светился силуэт Ильича. Пытаясь выбраться за горизонт, механик практиковал по выходным восхождения местного значения. Это когда взбираешься на ближний холм в надежде увидеть за ним простор, а за ближним холмом вырастает дальний, ещё выше и круче.

На горных склонах во множестве паслись черепахи. Можно было насобирать их хоть мешок, — но зачем? Из прочих развлечений в Нуреке были пляж и кино. Пляжем назывался пустырь, покрытый мелкой чёрной щебёнкой. К пустырю примыкала обширная яма, с тёмной спокойной водой. Яму отделяла от ревущего Вахша перемычка, поверх которой был проложен водовод для подпитки бассейна. Скопления публики под пляжными грибками я ни разу не наблюдал. В кино народ хаживал куда активнее. Кинотеатром именовался загон, обнесённый дувалом и заставленный скамейками.

Я отдыхал по-своему, на бегу. В Нуреке для этого годилась только душанбинская дорога. По ней я убегал километров на десять, но до перевала — ни разу. Хотя мечта была, не рискнул: до моего первого марафона было 12 лет. А вот в Рогун я приехал уже готовым марафонцем. Поэтому смело бегал каждодневно, в 40-градусную жа-

ру, вверх и вниз по горным дорогам, на работу и обратно. Кое-где даже наперегонки с БелАЗ'ами. На подъёме с 10 %-м уклоном гружёный самосвал ползёт со скоростью около 10 км/ч. Дым глотать за ним не хотелось: приходилось упираться и обгонять. У проектировщиков нашёл карту местных дорог. В одно из воскресений наметил и одолел кольцевой маршрут километров на 30. К спортивным радостям неожиданно добавилась удача. В день отъезда пришёл в посёлок Оби Гарм. Это рогунский аналог нурекского Казанского вокзала. Пока ждал автобуса на Душанбе, заглянул в местное сельпо и приобрёл дефицитнейшие по тем временам лыжные ботинки *adidas*, своего (45-го) размера. Неведомо каким ветром их занесло в эти абсолютно нелыжные места.

В Душанбе прибыл с приятной покупкой и тревожным ожиданием: ночевать негде, а самолёт только утром. Мест в советских гостиницах не было никогда. Был у меня в городе знакомый. Но беспокоить его семейство на ночь глядя и рано утром не хотелось. Вокзал и аэропорт в полночь запирают, поскольку ночных рейсов и поездов в расписании нет. Со скамейки в привокзальном сквере меня вежливо попросил милиционер. А тут ещё резко похолодало. Температура упала чуть ли не до нуля. Тогда как днём-то было около +30 °С в тени. И одет я был в лёгонькую тенниску. Пришлось до утра бодро маршировать по городу, с пригрузом от собственных вещичек. Это не только согрело: после такого дефиле мне впервые удалось заснуть в самолёте. И через каких-нибудь 6 часов я уже мчался в московском автобусе мимо домодедовских берёз. Как же хорошо дома!

Когда этот очерк появился в интернете, на него стали приходиться возмущённые отклики. Сначала меня буквально приравняли к закордонным врагам:

"По трассе Душанбе - Нурек нет поселений дехкан. Нет арыков и глиняных дувалов. В западной прессе тоже пишут, как в России медведи бродят по улицам пьяные, и люди дикие. В Англии

вон пишут, что проблемы в России: соли не хватает — много ее уходит у русских, в караваи нечего класть.

Пришлось уехать из Нурека после развала СССР, но все мы помним любим свой город-сад и очень близко к сердцу пришлось то, что вы написали."

Мне нравится страсть, с которой откликант бросился защищать от меня своё дорогое прошлое. Возможно, оно у нас в какой-то момент совпало. Но увидели мы каждый своё. За ненавистную читателю западную прессу не отвечаю и заступаться не буду. Очевидно, он её приплёл в параллель моему "очернительству". Но соль съел всё-таки не я!

Прошло больше двух лет. Получил очень похожее послание.

"В Нуреке были построены современная гостиница, зимний кинотеатр "Вахи", несколько летних кинотеатров, ДК (дом культуры), где за честь считали выступать известные советские эстрадные коллективы и певцы. Проводились кинофестивали. А Вы взяли и обо...ли город, на который ехали смотреть со всего мира! Кто же Вы после этого? "Я писал то, что видел". У Вас то со зрением все в порядке?"

Моим страстным возражателям я очень даже сочувствую. Видимо, когда кончилась их власть, лично они много потеряли. Поэтому они, как и прежде, считают советское прошлое не просто восхитительным, а достойным неперемennого посмертного восхваления. К тому же, они весьма склонны поучать, как именно надлежит воспевать и возносить столь милое их сердцам бывшее благоденствие. И как не следует его, это благоденствие, очернять, попирая лучшие чувства истинных благоденцев. Раз не углядел величия и великолепия, значит, не туда смотрел и не теми глазами.

Действительно, кто ж я после этого? Весь мир устремился смотреть на коллективы, а я, как дурак, припёрся работать. Ну, не до коллективов мне было. И кинофестивалей не заметил. Своё кино отвлекало. На сорокаградусной жаре, в самосвальном дыму и в препирательствах с пустоговорящими начальниками. Даже роскошная гостиница

мне не глянулась. Потому что меня угораздило приехать за год до её открытия. Каюсь, зимний кинотеатр я тоже не воспел. За полной его ненужностью для меня лично.

В общем, строгача за злонамеренный неугляд несомненно заслужил. Без срока давности.

Потом ещё были письма. О том же. Мол, автор такой сякой. Не туда смотрел. Не узрел свершений и подвигов. Тогда я предложил возмущенцам: пишите сами. Посулил приобщить их рассказы к своему. В ответ — опять: "Да ты... Да мы тебя..." и т.д. Познавательное, конечно. Но про себя я и сам знаю. А про Нурек и прочую Среднюю Азию, про своё бывшее беспробудное счастье в том краю мои ругатели — ни гу-гу. В итоге вам перепало лишь то, что запомнилось мне самому.

03.03.2006 и 28.02.2009

Соло новосёла

Всемирную выставку 1967 года намеревались провести в Москве. По этому поводу была не только привычная трескотня. Без особого шума и звона шла настоящая подготовка. Отвели под выставку площадку на Юго-Западе, между зоной отдыха Тропарёво и МКАД. Эту территорию нельзя было застраивать жильём, поскольку над ней регулярно шли на посадку самолёты. Отсюда до аэропорта Внуково всего 10 км. Сразу по двум направлениям, под Профсоюзной улицей и под проспектом Вернадского, ударно строили метро. Впереди паровоза. Впервые в истории Москвы станция появилась там, где ещё не было городской застройки: только село Никулино. Даже назвать её по-московски не удосужились. Так и осталась "Юго-Западная" памятником убогой чиновничьей фантазии. По замыслу, отсюда трасса должна была пройти дальше, с плавным поворотом влево, к Тёплому Стану, а затем в Ясенево. На пересечении с Профсоюзной улицей (начало Новоясеневского проспекта) проектировался пересадочный узел.

Но шум и треск внезапно утихли: Всемирная выставка прошла почему-то не в Москве, а в Монреале. О запрете на жилищное строительство в подлётной зоне вспоминать не стали: живут же люди в самом Внукове, где до брюха самолёта буквально рукой подать. Ближе к Профсоюзной улице возникли первые микрорайоны Тёплого Стана. Не сразу, но решились строить и точнёхонько под глассадой снижения. Появился 7-й микрорайон (теперь улица генерала Тюленева). В 1974-м пошли до упора: формировались микрорайоны 8А (ул. Академика Виноградова) и 8 (ул. Академика Варги). Примерно половину домов здесь строили для ЖСК. В один из них меня и угораздило.

Как-то ранней весной 1975-го мы с женой отправились посмотреть на свой будущий дом. Предварительно заглянули в генплан ново-

го микрорайона. Подъехать можно было только аэропортовским автобусом (511). От поста ГАИ в конце Ленинского проспекта с километр пробирались лесом. Вышли на проезжую часть будущей улицы (Академика Варги). Три дома, в т.ч. наш, выглядели почти готовыми. Я воодушевлённо шагнул с дороги в сторону ближайшего подъезда. И увяз в грязи настолько, что выдёргиваться обратно пришлось по частям: сначала вынул ногу, а потом ботинок. В итоге ограничились обзором издали: переплыть море грязи было невозможно, а других подходов не было. Ближе к заселению появится придомовый проезд, примыкающий к дороге. Иначе говоря, грязное море обретёт ещё один берег и станет глинистым болотом. К лету глина подсохнет, но после каждого дождя прямой путь к дороге и дальше, к лесу, будет надолго превращаться в испытание на проходимость.

Не знаю, как другие жильцы, но я отнёсся к нашему кооперативному жилью, как к своей личной собственности (частной собственности в СССР вроде бы не было). Поэтому, кроме неизбежного обустройства у себя в квартире, старался по возможности облагородить и сопредельный быт. Действовал по двум правилам.

1. Это мне нужно.
2. Если не я, то кто же?

Первая трудность — попасть на работу. Ездить кругом, на автобусе до метро "Беяево" и дальше с пересадками — дня не хватит. Выйти через топкий по весне лес к Ленинскому проспекту и к автобусам до метро "Юго-Западная" невозможно. Оставалась вдрызг разбитая строителями старая дорога (ныне Теплостанский проезд). Но она обрывалась на выходе из леса и слишком буквально вливалась в новую улицу. На стыке была глубокая безбрежная лужа. Пешеходам не пройти, а грузовикам — как повезёт. Вот по краю этой лужи я и решил навести переправу. Материал был раскидан и закатан в грунт повсюду: кирпичи, мелкие бетонные обломки, керамические блоки и т.п. Надо было только нагнуться и выковырнуть. Ранним утречком облачился в совхозный прикид и за несколько часов накидал если не дам-

бу, то пунктирную тропу. И народ пошёл! Даже не дожидаясь окончания моей личной стройки коммунизма.

Через много месяцев, 22 июня 1976 г., после обращений во всякие инстанции, сюда придут автопоезда со щебнем и асфальтобетоном. Будет проложена дорога, о которой все эти инстанции упорно твердили: строительство нецелесообразно. Потом нам точно так же будут отвечать, что организовать автобусное движение по новой старой дороге нельзя: нет-де освещения. Потом автобусы пойдут по тёмной дороге. Спустя годы её сделают капитальной и устроят освещение. Но почему не сразу или не заранее? А принцип такой: незачем делать, если можно не делать. Даже если сделать легче, чем отбояриться.

Вторая незадача: выбраться с детской коляской в лес. Препятствий четыре: узкий проём лифта, нижний лестничный марш, глинистое болото и такая же топь между дорогой и лесом. Ну, лифт не переделаешь. Укоротил консоли колёсных осей на коляске. Она стала въезжать свободно. А нижние ступени перекрыл парой балок из стального уголка. Благо металлолома вокруг валялось в избытке. Сооружение работало годы. Сейчас там всё по-другому, а в 1981-м, когда мы выезжали, балки были на месте.

Переправу от подъезда наводил в два этапа. Нашёл множество брошенных строителями бетонных подоконников. Стал по одному перетаскивать их на спине и укладывать в ряд. Дальше — как у Чехова: "Проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа". В смысле: "Глядя из окон, у них зачесались руки". Вместе с помощниками мы довольно быстро довели *подоконник-штрассе* до автобусной остановки. Спустя время строители уложили вместо нашей хрупкой и узкой тропы бетонные плиты. А ещё через несколько лет (!) эту дорожку даже заасфальтировали.

Тропу от дороги до леса я замостил в два ряда (чтобы можно было разойтись) керамическими блоками. Их бросили те, кто возводил обделку подземного коллектора. Блоки перевёз на служебном автофургоне. Грузить и выгружать помогли коллеги, а укладывать — сосе-

ди по дому. Старались, чтоб получилось не криво: перед укладкой натягивали разметочный шнур и лопатами выравнивали грунт. Наша са-моделка со временем осела в культурный слой, но до той поры исправно служила людям.

Меж тем сын подрастал, а очередь в детский сад нашего многоимённого (Октябрьского, Черёмушкинского, Брежневского, опять Черёмушкинского) района светила ему лет через десять. По проекту два детсада значились в нашем дворе, но построят их неведомо когда. В общем, взял я ходатайство на работе и пошёл прогибаться в соседний, Гагаринский район. Народнообразовательная дама глянула в мою щидулю, узрела вверху слово *Госстрой* и решила, что от меня будет польза по строительной части. Я не стал её разубеждать, но на всякий случай кривовато ухмыльнулся. За это был тут же вознаграждён вожделенной путёвкой. Уже на другой день повёз сына в детсад на проспект Вернадского. Когда сын дорос до старшей группы, его ежедневный маршрут резко сократился: внутриворонный проект наконец-то реализовался.

Труднее всего оказалось устранить небесную напасть. Шум был настолько оглушительным, что порой казалось: если открыть двери противоположных балконов и комнат, самолёты будут пролетать сквозь квартиру. Каждые две минуты. Днём и ночью. А сыну всего несколько месяцев. А нам утром на работу. И вообще, как жить? Это ж не голуби. Тряпкой на палке не отгонишь, хоть крыша и рядом (мы жили на последнем, 12-м этаже). Сколько бумаги было изведено, сколько порохов обито! В ответ — любимое упражнение: разведение рук в стороны. Дескать, всё по нормам, ничего сделать нельзя. И действительно, наши обращения попадали не к тем, кто принимал решение строить дома под бреющими полётами, а к тем, для кого эти полёты — сама жизнь. Авиаторы оказались крайними. Когда разборки с наземным населением стали отнимать у них всё рабочее время, выяснилось: кое-что сделать можно. Для начала отменили посадку ночных рейсов. Уже легче. Высоту полёта над домами увеличили вдвое, до 600 м (значит,

было всего 300!). Уровень шума снизился, соответственно, вчетверо. Ещё полегчало. Капитально отремонтировали резервную полосу и часть рейсов увели на неё. Самолёты пошли на посадку с другого направления. С той поры минуло больше 30 лет. Нынешние обитатели Тёплого Стана и не подозревают о нашей тогдашней *противовоздушной обороне*. Тем более теперь, когда за Внуково всерьёз взялась московская власть.

Пока я ладил железные сходи, зашивал оргалитом неостеклённые окна в подъезде, ставил бабахющую выходную дверь на петли "метро", по камушку выкладывал пешие тропинки, выкапывал на опушке молодые деревца и сажал их перед домом, — соседи терпеливо взирали. Но когда удалось отогнать самолёты, терпение истощилось: меня выбрали в председатели правления. Дело, конечно, интересное. Собрания жильцов, заседания правления, протоколы. Связь с властями и ЖЭКом, договора, сметы, отчёты. Приёмные часы, чьи-то протечки, добрососедские склоки на общественных началах. Аварийные прорывы горячей воды в подвале при тридцатиградусном морозе. Даже одно настоящее землетрясение пережили: когда однажды ближе к ночи потолок надо мной слегка закачался, я объявил общую тревогу и народ выбежал во двор. Короче, должность хлопотная. А семья, работа в двух местах, аспирантура — это когда? Два года я честно волок председательский хомут. Но на следующий уставной срок постарался найти другого охотника.

Про культурный слой — ошибся я. Летом 2008-го позвонила бывшая соседка. Оказалось: самодельная тропа на входе в лес — жива! Осталась ВАРГИналам — на добрую память. Утильные керамические тубинги, которые мы с соседями уложили 33 года назад поверх склизкой глины, не только не канули в грунт, но и возвысились над ним. Мало того. Благоустроители убетонили подход со стороны проезжей части и возвели высокую стальную ограду, — чтоб не было соблазна заруливать на опушку.

Неодолимое грязное море, которое весной 1975-го чавкало между мостовой и подъездом, обратилось в рошу. По проекту здесь никакая не роща, а совсем наоботот, подземный гараж. По счастью, автобума в 70-х не предвиделось. Многие жильцы продали машины, чтобы купить тут квартиру. Территорию обозвали резервной, и стала бы она бесхозной. Но жители распорядились ею по-своему. Так, что теперь за рощей даже сам дом едва виден. Разве что последний этаж с бывшим моим балконом, сквозь который когда-то пролетали самолёты. Теперь в небе тихо.

Внизу, на подходе к дому, — аллея вдоль асфальтированной дорожки. Той самой, которая начиналась с утильных подоконников. Удивительно: деревья растут на суглинке, удобренном битым железобетоном! Даже черноплодка, которую я выкопал в лесу и приволок вместе с землёй на корнях, ещё не окончательно захирела.

Не удержался глянуть и на то место, где наводил переправу у слияния Великой Лужи, а ныне Теплостанского проезда, с улицей Варги.

Вместо самодеятельных камушков — современный тротуар. Напротив — АЗС. Вдоль всего проезда — бордюры и фонари. Это давно уже не дорога загородного типа, как в 70-х. Здесь свободно разъезжаются автобусы трёх маршрутов, идущие к метро «Юго-Западная». Левый поворот с Ленинского проспекта — современная развязка. Короче, всё то, от чего разные начальники тридцатитрёхлетней давности отбивались, как могли. Ну, и где они теперь? — А мои глинобиты по-прежнему неистребимы.

11.05.2008

Транскавказское ралли. Туда, где нас не ждали.

Летом 1975 г. дела научные заставили меня в очередной раз сесть за руль служебного УАЗа. Путь лежал из Москвы в Каджаран, что на юге Армении. Примерно 2500 км. Маршрут определил в обход сомнительных по проезжаемости Военной грузинской дороги и Крестового перевала: Ростов, Краснодар, Сочи, Сухуми, Тбилиси, Ереван, далее везде.

Первое приятное открытие сделал для себя ещё в Москве, заглянув в атлас автодорог. На Ростов лучше было двигаться не через Курск и Белгород, по перегруженному Симферопольскому шоссе, а по Каширскому тракту, через Елец и Воронеж. Кто ж знал, что от Каширы до Ельца покрытие изуродовала минувшая зима. Повсюду, где дорожное основание промёрзло, асфальт вспучился и стал похож на кочковатое болото, разве что не зыбкое. Возможно, эта напасть — от нашего климата. Такую же картину я наблюдал в 1969-м на трассе Москва — Минск. Тогда кочки покрыли всю проезжую часть до самого Смоленска. Лавировать между кочками крайне утомительно: чуть зеvнул или расслабился — и затылком пробиваешь потолок кабины. Продвигаться на ползучей скорости — не выход: надо поспевать за потоком, да и ночевать на дороге не хочется. Поэтому внутренности поминутно напоминали о себе, прыгая отдельно от более инерционного организма, в такт вертикальным ускорениям машины.

Тем не менее, ближе к полуночи, добрались до Воронежа. Уснуть после дня за рулём невозможно. Мозг настолько перевозбуждается, что в режим торможения уже перейти не может. К тому же, отдых в общем номере гостиницы, где с 5 утра топочут непоседливые сапожищи дальнбойщиков, — чистая условность. Поэтому утром са-

дишься в машину, не восстановившись и не выпавшись. Пилишь с квадратными глазами час или два, а потом всё же не выдержишь, съедешь с трассы и просто положишь голову на руль. Пятнадцать минут такой передышки помогают потом не уснуть на ходу и действуют едва ли не лучше, чем якобы сон в придорожной ночлежке. Не отдыхаю и рядом с водителем: таращусь на дорогу, шея вытягивается, а руки-ноги подёргиваются и "дублируют" управление.

На подступах к Сочи ночуем по-походному. Я — на раскладушке возле машины, напарник — внутри, на продольном сиденье. У напарника психика поустойчивей моей: он умел спать в любой обстановке. Увы, глагол в прошедшем времени тут не случаен. В феврале 2004-го он застрелился из охотничьего ружья, — "чтоб не виснуть на родичах камнем". Жил по-холостяцки (лишь на похоронах мы узнали о существовании дочери и внуков); курил чаще, чем дышал. Всё банально, как пожар от окурка в постели: гастрит, язва, рак, финиш.

Когда-то мы вместе учились в автомеханическом. Оба после выпуска оказались в армии. Обоих и сократили оттуда примерно в одно время. Я буквально наткнулся на него в 1965-м, когда в поисках работы бродил между инженерными корпусами в Новых Черёмушках. С его подачи и попал в благословенную контору. Там каждый из нас отслужил свою четверть века. В науке мне легче давалось слово, ему — дело. В автомобилях, мотоциклах и любых моторах он разбирался не просто, как практик, а ещё и как конструктор, на основе досконального знания. Теоретическую механику почитал за критерий интеллектуальной ценности человека. Институтские инженерные дисциплины усвоил настолько, что они его кормили много лет после выпуска. Коллеги-заочники, особенно из числа мелких начальников, предпочитали платить "негру", нежели самостоятельно постигать вузовскую премудрость.

После перестройки мы оба покинули науку. Я привычно жил словом (переводами), а он, как всегда, — делом: чинил карбюраторы-трамблёры и проверял их на самодельном стенде, который установил

на подоконнике. Пока не болел, выезжал по вызовам — реанимировать незаводящиеся машины.

Наша совместная поездка относится ко времени, когда мы сравнительно недолго работали по одной теме. Проездом мы оказались на курорте всесоюзного значения. Напарник — естественно! — горел желанием попользоваться госхалявой от души и подольше, хотя бы (!) несколько дней. Я вырулил под каким-то путепроводом прямо на пляж. Он меня разочаровал: узкая полоска галечника между железной дорогой и морем. Электрички ползут по однопольке, будто боятся растрясти шпалы, уложенные на тот же галечник.

Всего через полчаса беспощадное и коварное сочинское солнце запузырило мою шкуру. Мне жутко захотелось если не назад, в привычную среднюю полосу, то вперёд, к цели. Мне вообще претит курортная праздность, а после такой поджарки — тем более. Примерно то же случилось со мной в 1962-м, в Одессе, где пытался провести предармейский отпуск. Вместо положенного месяца я — поперёк души — пробыл там неделю. Шкура сгорела сразу. К тому же, меня бесили трамвайные часы пик: они там возникали не по рабочему, а по пляжному времени. А сколько проблем: жильё, еда, билеты — сдохнуть можно. Никогда не понимал и до сих пор не понимаю тех, кто ездит на курорты добровольно, да ещё на свои. Есть и вовсе ненормальные, которые, — чтобы многократно преумножить впечатления от пещерного курортного быта, — берут с собой детей.

Между мной и напарником разгорелась неизбежная ссора, исход которой пришлось решать властью ответственного исполнителя. Пока мы спорили, галечник под колёсами постепенно просел. Выбраться удалось только с привлечением праздных загоральщиков. Миновав путепровод, оглянулся: оказывается, на въезде под него — "кирпич". И кто его тут повесил, пока мы загорали?

В центре Сочи обратили внимание на дурацкую аварию: у грузового фургона при столкновении открылась задняя дверь. Через неё вылетели и рассыпались по дороге тысячи розовых резиновых сприн-

цовок. (Пройдёт четыре года, и уже за моей спиной вот так же самопроизвольно отверзится дверь молочного фургона. Пустые флаги раскатятся и забарабанят по Новоясеневскому проспекту — только собирай!)

Когда выбрались за город, то по серпантине погнался, буквально, как поджаренный, а на закрытых участках рискованно обгонял всех, кого мог. Повезло: обошлось. Постепенно вошли в нормальный ритм, миновали Сухуми и поехали дальше, на Тбилиси. То есть объехали Главный Кавказский хребет справа и продолжали путь уже по долинам Закавказья.

Это те самые райские кущи, где произрастали, наперегонки со своими цитрусами, тогдашние постоянные обитатели Черёмушкинского рынка (после перестройки их потеснят другие брюнеты, которые уже ничего не выращивают, а торгуют ближневосточным импортом). Если судить по типовым двухэтажным бунгало, которые стояли вдоль трассы, — к шоссе передом, к садам задом, — народ тут процветал и благоденствовал.

Мы к тому времени уже слышали о феномене ГДР (Грузинской демократической республики), где аборигены, по выражению Остапа, бескорыстно и преданно любят денежные знаки крупного достоинства. Мне это было знакомо с 1962 г. по Сухуми. Ещё в Москве мы запаслись мелочью, а с местным населением без особой надобности не общались, разве что в придорожных харчевнях.

После Белоруссии и Прибалтики я уже знал, что советская дружба народов весьма многогранна. Теперь мы смогли оценить и хваленое кавказское гостеприимство. Оно заключалось в том, что продавец находил в очереди соплеменников, радостно и долго гоготал с каждым из них, а мы для него оставались невидимками. Желаемый харч удавалось заполучить лишь со скандалом. Аборигены хором возмущались нашей неучтивостью: здесь не принято нарушать беседу кунаков. Позже, на обратном пути, мы убедились, что Северный Кавказ в этом смысле ничуть не лучше Южного. С тем же беспардонным пренебре-

жением нас в упор не замечали и в Кабардино-Балкарии. Когда наш многострадальный УАЗ покинул враждебную страну горцев и весело побежал по степному шоссе на Ростов, я вздохнул с облегчением.

А пока мы только въезжаем в Гори, родное село Усатого Инквизитора всех времён и народов. Здесь календарь как будто остановлен 21 декабря 1949 года — в день его 70-летия. На главной площади фаллическим символом возвышается шинель из красного гранита, с ма-аленькой головкой, торчащей над воротником. Рядом — мраморный охранительный шатёр над избушкой, в которой будущий тиран явился миру. Поодаль — что-то похожее на московский Гостинный Двор: длинное двухэтажное строение музея. Повсюду мельтешат стайки юных ленинцев: сюда их свозят для экскурсий со всей Грузии.

Музей начинается с парадной лестницы — такой же, как в Третьяковке. Каждый посетитель до-олго поднимается по ступенькам к стопам вождёвого изваяния, над которым — цитата: "Я всего лишь продолжил великое дело Ленина". В это охотно веришь, если знать пристрастие Ильича к расстрельным решениям любых проблем.

А вот экспонаты меня разочаровали. В основном, подарки к последнему юбилею, например, рисовое зерно с китайским приветствием из 4000 слов. Для чтения к зерну прилагался ввинченный в стену микроскоп. Вышло так, что дарованные юбиляру чудеса перевезли в Гори из Москвы, где я их уже видел в Музее им. Пушкина, кажется, в середине 1950-го. В местной гостинице запомнился полутёмный холл с жутковатым чёрным бюстом на постаменте у глухой стены.

Утром берём курс на местную столицу. На одном из центральных перекрёстков Тбилиси пережидая у светофора и трогаюсь вслед за потоком. Мордатый ГАИшник вылавливает московскую машину. Поток едет на зелёный, а я в нём — на красный! Понимаю, что спорить — себе дорожке и протягиваю на ладони всю наличную мелочь (на которую в Москве не раз пообедать можно). Дорожный страж ударяет своей полосатой палкой мне по руке снизу, рубли-копейки звенят по брусчатке, а я слышу: "С такими дэньгами дома сыди!" Под это напут-

ствие — быстренько по газам и долой со злополучного места, пока хозяин светофорной тайги не передумал.

И тут новая напасть: на улицах Тбилиси нет указателей выезда на Ереван. Мало того, ни один горожанин не знает туда дороги. Долго плутаю, пока не выручил меня прохожий, как сказали бы теперь, славянской наружности.

По пути на Ереван объезжаем Севан. "Жемчужина Армении" встретила хмурым дождичком и серо-чёрным пляжем, который изрядно загадили своими отбросами местные гостиница и шашлычные. Зато порадовала дорога Севан — Ереван. Безумно дорогая, она проложена в горах по строительным нормам лучшей равнинной категории. В аэропорту Еревана забираем ещё троих из нашей выездной группы. Дальше по дороге на юг взгляд всё время упирается в Арарат. Путь к Нахичевани нам перекрыли пограничники: допуска в погранзону мы не взяли. Поэтому в Ерасхе повернули на Ехегнадзор, Горис и Кафан.

На высокогорье точка кипения воды понижается градусов на 10. Приходится непрерывно следить за температурой двигателя и подливать холодную воду из походного резинового ведра: перегрева нет, а радиатор кипит! К тому же, влага, которая всегда есть в тормозном приводе, превращается в паровые пробки: из-за этого тормозная педаль порой опасно проваливается. Останавливаюсь, проверяю, нет ли пробоя в системе и выброса тормозной жидкости.

В Кафане с удивлением обнаруживаю, что параллельно плохонькому шоссе, по которому мы трясёмся, проложена отличная, а главное, ровная бетонная дорога, по которой никто не едет. Дорога упёрлась в здание местного аэропорта и оказалась взлётно-посадочной полосой.

Скоро мы у цели: современные блочные девятиэтажки — посёлок Каджаранского молибденового комбината (КМК). Поразительно. Всей стране ещё только обещают отдельные квартиры, а здесь — пустые дома. Тьма свободного жилья, которое некем заселять. Работать на комбинат приезжают по большей части жители Украины: ви-

димо, им легче привыкнуть к местному климату. Нас разместили в одной из пустующих квартир. Из удобств не доставало лишь горячей воды. В бытовках комбината она была. По будням мы отмывались там, а в выходные я с каратешным вскриком бросался под ледяные артезианские струи подвального душа.

В первый же день, уже в автоцехе комбината, опять познаём кавказское гостеприимство, но уже по-армянски. Нам без звука выделяют самосвал для наших экспериментов, радушно предоставляют кладовку и хлопчут рядом, пока мы выгружаем аппаратуру и инструмент. В столовой местные коллеги упреждающе оплачивают наш обед. А утром выясняется, что из нашего ящика в запертой (!) кладовке исчезла моя электродрель. Хорошо, что запасливый механик прихватил ручную сверлилку. Отверстия под крепёж для приборов и датчиков пришлось буквально прогрызать в металле, остервенело вращая рукоятку.

Тут уместно хотя бы упомянуть о сути моей тогдашней работы. Без этого не понять, за каким лешим надо было мчаться на нашей таратайке через всю страну. Итак, для разработки карьеров нужны дороги. Они временные, но их, как и постоянные, надо проектировать и строить по нормам. Норм пока нет. Поэтому нужны опыты на действующих дорогах. Напарник ехидно обозвал мои изыскания теорией тепловой смерти БелАз'а. Намёк на перегрев агрегатов, который я полагал основным ограничением при проектировании дороги. Отсюда южный уклон в географии экспериментов: Украина, Крым, Таджикистан, Армения и т.п. Карьер КМК, в отличие от прочих, был нагорным: породу и руду здесь возили не из ямы, а с горы. Иными словами, здесь можно было проверить тормозные режимы в грузовом направлении.

Основное время в командировке уходило на подготовку: уговорить начальство, установить и отладить аппаратуру на самосвале, выполнить геодезическую съёмку трассы и т.п. После этого сам опыт занял считанные дни.

Мы завезли коллег в аэропорт Еревана. Из Тбилиси пошли не в объезд, а прямо, через Крестовый. Напарник улетел. Мне в попутчики достался пассажир — на всякий дорожный случай.

На АЗС перед подъёмом на перевал мне опять напомнили, где я нахожусь. Заправщик, которому я отдал талоны на 40 литров, налил 10 и выключил насос. Я не спорил, но когда заправщик отвернулся, сам нажал кнопку на колонке и успел накачать ещё литров 20. Заправщик орал, махал руками и показывал вверх: грозил, что где-то там, то ли во власти, то ли на перевале, за него, обиженного, кто-то заступится. Честно говоря, я этого тоже опасался и успокоился только по ту сторону Кавказского хребта.

Подъём запомнился сменой времён года по вертикали: лето, осень, зима. Дорога строилась как гужевая. Разъезжаться с широчеными фурами по внешней полосе было страшновато, глядеть вниз не хотелось. А попутчик безмятежно взирал на горные красоты и даже просил где-нибудь постоять — для пущего созерцания. На противоположной стене ущелья всю дорогу маячили огромные буквы: "СЛАВА СТАЛИНУ". Ну, прямо-таки, "Здесь был Вася", только крупнее. На спуске времена года сменились в обратном порядке.

Ночевали в Нальчике, посреди городского парка. За Пятигорском кончились горы и горцы, кривые дороги и враждебные аборигены. Через Ростов до Москвы прошли вдохновенным марш-броском. Вот только дрель до сих пор жалко.

14.02.2006

От Белокаменной до границы каменной

Чем больше человек умеет, тем он свободнее. А уж ежели приходится руководить, надо уметь всё, что умеют подчинённые. Иначе неизбежно будешь зависеть от любого из них. Мало того. Почувствуй эту зависимость, "умелец" — по скверности характера — непременно оседлает начальника и будет им помыкать. Это т.н. эффект вахтёра. По существу, комплекс неполноценности. Стремление отыграться за своё подчинённое положение. Чем меньше власть, тем больше упоение. Ведь на изнанке маленькой власти нет ответственности. Ну, что взять с вахтёра, если охраняемый объект, к примеру, сгорит? — Начальника сменяют, а вахтёр останется. Чтобы издевательски требовать пропуск у нового начальника.

Хорошо, когда коллега может сделать и(ли) добыть всё, что нужно. Такой спец — просто клад. Да вот беда. Может-то он может, да только если захочет. Ведь за исход работы, за сроки и результаты отвечает не он. Так ради чего ему упираться? Тем более, что без него не обойдутся. Значит, потерпят. А лично у него не горит. Повлиять на такого незаменимца не могут даже деньги. Потому что прибавка только укрепляет его самомнение. Где же выход? — Можно, конечно, просто терпеливо сносить издёвки. Ради дела. А когда терпение кончится, лучше всего — огорошить самозванного властолюбца ответственностью.

Ну, достал меня механик претензиями на самодурственное управление мною лично, а заодно и остальной выездной командой. И я пошёл ему навстречу. Сказал: "Продолжай без меня. В Москве отчитаешься. А я на вокзал, за билетом". Хлопнул дверцей машины и отправился в железнодорожную кассу. Города Заполярного. Механик,

разумеется, мог мечтать о чём угодно, только не о том, чтобы отвечать и отчитываться за что-то и кого-то. Поэтому сразу бросился названивать в Москву. По счастью, наш общий начальник от него никак не зависел. Поскольку сам работал с другим механиком, который не страдал избытком гонора. Тройственное телефонное препирательство кончилось в пользу дела.

Дело я постарался завершить поскорее. Билет сдал. Аппаратную часть принял электрик. Механик был низведён до извозчика. Я с ним не разговаривал. Года полтора. Оставшуюся неделю командировки принципиально ходил на карьер пешком. В Москву вернулся поездом, хотя по дороге в Заполярье мы были напарниками за рулём. Мы не враждовали. Отнюдь. Когда нас не разделяла ответственность, которая у одного есть, а у другого наоборот, мы общались мирно и даже дружили семьями. Я давно потерял его из виду. По слухам, после советской власти он занялся автосервисом. Его клиентам могу посочувствовать. Впрочем, механик-то он классный. И с годами из него наверняка повеяло лихая дурь. Например, шутки ради разогнаться, тормознуть и припереть человека бампером к стене. У меня есть его телефон. Не звоню. Помню себя у стены.

Но тогда, в июле 1978-го, нам предстояло вместе одолеть свыше 2000 км. От Москвы через Петрозаводск до Заполярного. До Волхова проблем не было. А вот дальше, на Мурманск, дорога только намечалась. Мы опасались, что кое-где её вовсе не было. Сомнений стало чуть меньше, когда за Лодейным Полем стали попадаться встречные машины с мурманскими номерами. Не по воздуху же они долетели. Доедем и мы. Когда-нибудь.

Дорожная стройка шла пунктиром. Асфальт внезапно кончался. После этого мы долго тряслись по ухабам накатанного "направления". Без дождей и лихачества ехать можно. Но вдруг, ни с того ни с сего, начинался участок отсыпки основания. Он буквально соответствовал определению: "Дорога — это то место, которое объезжают стороной". Здесь встречные потоки машин лавировали между бульдозерами

и КамАЗ'ами с песком или щебнем. Самосвалы, видимо, были в дефиците. Песок и щебень подвозили из карьеров на бортовых грузовиках. Разгружали варварским способом, с помощью самодельного сталквателя на тросовой тяге. Трос накидывали поверх ножа бульдозера. Тот пытался поперёк автопоезда и тягал скребок сталквателя на себя, порой нещадно уродуя кузов. Так или иначе, но в несколько заходов КамАЗ и прицеп освобождались от основного груза. Остатки вычищали вручную. Пока вершился этот high tech, движение перекрывалось или сильно замедлялось. Так что было время, чтобы разглядеть действо во всех подробностях.

Едва пробьёма сквозь муравьиную суету и вот уже снова попадаем либо на первозданный просёлок, либо на готовое шоссе. И так сотни километров, до самой Сегежи. Её приближение я почувствовал по запаху. Сероводород — основной продукт местного бумкомбината, который попутно производит крафтмешки и туалетную бумагу. Проезжающие стараются проскочить городок побыстрее. И, по возможности, не дышать. А каково аборигенам?

Отъехав подальше, делаем привал под мостом. На бензопримусе жарим картошку. Её я взял с собой целый мешок. Благо не на себе тащить. Доброжелатели в Москве предупредили: бери больше, там её нет. Это оказалось правдой. Хотя первое, что я увидел в заполярном продмаге, были местные парниковые помидоры. Явно лучше московских. Но дороже. Здесь был т.н. третий ценовой пояс. Иначе говоря, в магазинах всё стоило процентов на 15 больше, чем в средней полосе. Рынка в Заполярном я не видел.

Жареная московская картошка стала моим регулярным заполярным блюдом. Командированные хорошо знают, как в наших гостиницах относятся к электроплиткам и прочим кипятыльникам. Для хозяйки заполярного отеля отловить меня с поличным труда не составило. Дразнящий дух проникал через щель под дверью. Но мы поладили к обоюдной выгоде. По просьбе директорши я пару раз свёз на нашей машине гостиничное бельё в прачечную. Это за 50 км, в Никель.

Дорога туда кое-где совпадает с госграницей. Столбы установлены вдоль обочины. Ямы для них солдаты выдолбили в камнях. Контрольно-следовая полоса между рядами колючей проволоки здесь не вспахана, а отсыпана мелким щебнем. В хорошую погоду с дороги можно разглядеть норвежские поселения. Близость заграницы — головная боль советского агитпропа. Тамошнее телевидение досягаемо тут. Чтобы перешибить его тлетворное влияние, тутошнее ТВ вещает (с унылыми повторами) круглосуточно, на тех же частотах. Легко представить, как мир буквально двоятся на экранах у обывателей.

Но пока мы мчимся от Сегежи до Кандалакши по новой бетонке. Она проложена через сведённые леса. По обе стороны — заболоченная пустыня, утыканная высокими тонкоствольными пнями. Где-то рядом обрабатывают свой хлеб подневольные вальщики. Навстречу попадаются автозаки — зелёные полуприцепы с глухими желяными стенками. Сквозь решётку на оконце можно разглядеть прильнувшие глаза. Шоссе выглядит неприветливо. Машины редки. Даже дорожных знаков почти нет. До ближайшей АЗС не одна сотня км. Об этом ехидно извещает ма-аленькая табличка под вожделенным знаком. Однажды пришлось кого-то выручить из наших весьма скудных запасов. В конце концов, бензоколонка окажется ещё и в стороне от трассы, в городе, километров за 40. Роптать бессмысленно. Приходится заодно и ночевать. Где-нибудь в Кеми или Лоухах.

Километров за 150 до Кировска пересекли Полярный круг. Удивительно, но Кольский полуостров долгое время был связан со страной всего лишь тонкой ниточкой — одноколейной железной дорогой. На обратном пути я видел, что вторая колея только строится. И этот вроде бы оторванный край не только пережил войну без оккупации, но и пропустил через себя, а затем по железной ниточке союзническую помощь. Какой ценой, нетрудно догадаться по обилию воинских памятников за Мурманском.

Цель нашего путешествия — комбинат "Печенганикель". Типовой треугольник, в котором вращается местное население: добываю-

щий карьер, обогатительная фабрика, жилой посёлок. Заработать на "Жигули" и даже купить их — здесь не проблема. Да вот ездить на машине некуда. Разве что в отпуск. Остальное время она скучает в самодельном гараже. Как ни странно, гаражный самострой здесь, на пустынных каменных просторах вдали от столиц, породил нешуточные конфликты с местной властью. Я видел, как представители этой власти просто жгли жестяные постройки. Хотя подожжённые автосараи стояли на отшибе и явно никому не мешали.

Июль — разгар полярного лета и полярного дня. Дневной свет за окном провоцирует на круглосуточное бдение. Смену дня и ночи вершат только часы, но не природа. Даже в три утра кое-кто неприкаянно бродит по посёлку. Солнце светило в наши окна именно в ночное время. Отчаявшись уснуть, коллега стал завешивать окно одеялом. Такая вот светомаскировка наоборот. Не помню, помогла ли она. Скорее, выручала рабочая усталость. Завертелась обычная командировочная карусель, главная прелесть которой — возвращение домой.

28.03.2006

Стояние на молочной реке

Нас изрядно озадачивают парадоксы нынешней российской экономики, например, вопли о бедности на фоне разбухавшего стабфонда. Замороженные удвоением ввп (или ВВП?), мы постепенно забываем об экономике советской, о том насколько та была перпендикулярна здравому смыслу в своих потугах одолеть экономические законы. Выправлять горбатую систему управления хозяйством приходилось ценой больших потерь. Из них главная — потеря веры и здоровья.

В начале 90-х интеллигентный "бомбила" на ржавых "жигулях", сбежавший от нищеты из проданного по частям НИИ, стал фигурой чуть ли не привычной. Мало кто помнит, однако, что явление существовало и в советские времена. Кто-то таким образом исправлял лично для себя перекос в оплате труда, другой амортизировал временный творческий кризис, а третий находил в этом свой способ реализоваться. Я не был исключением, причём по всем трём основаниям. Трижды сворачивал с наезженной научно-инженерной колеи на шофёрскую стезю.

При оформлении на 37-й автокомбинат Мосторгтранса в мае 1979 г. инспектор отдела кадров спросил: "Статьи есть?" Я машинально, по научной привычке, ляпнул: "Конечно, около десятка". Понятное дело, инспектора интересовали не мои учёные записки, а статьи КЗоТ'а, по которым увольняли за всякие провинности, вроде пьянства за рулём. Недоразумение быстро разрешилось, и меня взяли.

Работа не заладилась. Простой съедали больше половины сдвоенной, 16-часовой смены. В транспортной цепочке только водитель

был сдельщиком (и козлом отпущения). Все остальные (бухгалтеры, плановики, диспетчеры, кладовщики, грузчики, охранники и т.д.), естественно, никуда не торопились.

В отличие от нервного новичка, ушлые водилы выходили из положения до гениальности просто. Получат наряд на 10 — 15 магазинов, а сдадут весь товар в свой, "блатной". Чуть поднаторев, я тоже иногда сдавал по два наряда в одну торговую точку. Директор "правильного" магазина давал два рубля и говорил: "Вези, куда хошь". Я вёз. В "левом" магазине директор тоже давал два рубля — за то, что привёз. При такой игре все (кроме покупателей, конечно) были довольны. Шофёр не дёргается и получает от директора наличными. Директор развёртывает широкую лоточную (бескассовую) сеть и создаёт неучтённые "внутренние резервы".

Меж тем автохозяйство и молокозавод не хотят и не умеют договариваться, валят вину друг на друга. Решать проблему (после массовых жалоб населения) взялся тогдашний всеобщий посредник. Разумеется, массовик-затейник из местного райкома КПСС был вряд ли компетентнее несговорчивых управленцев. Зато у него была власть: он мог заставить их договариваться. И я там был...

Не думаю, что мне удалось поспособствовать прогрессу молокоснабжения. Зато на память остались заметки из "Московской правды", где всюю склонялась моя фамилия. Тогда мы ещё верили. Правильным дядям и тётям из партийных газет и райкомов. Стоит только пожаловаться, и явятся устроители правильной жизни. На завод, на автобазу, ещё ли куда. Чтоб воссияли повсюду здравомыслие и справедливость.

Оставалось той веры ещё на 12 лет.
05.01.2006

Как я судился с советской властью

В 1981 г. угораздило меня в коммуналку. Типичнейшая "воронья слободка", населённая отвратной публикой. Зато была надежда обменять мои 27 квадратов в четырёхкомнатной квартире на что-нибудь миниатюрное и отдельное. После двухлетних поисков, когда надежда почти иссякла и когда я сам уже почти не искал, вдруг нашли меня.

Некий гр-н Ц. работал в райисполкоме и мог получить многокомнатную квартиру, — если бы жил с семьёй в коммуналке. Ну, вот такими были тогда правила игры лично для него. У него, как на грех, однокомнатная кооперативная. В ней он не живёт, поскольку всё семейство обретается у тётки. Ему всё равно, где не жить до получения новой квартиры, и он готов обменяться на мою комнату. Именно мою, поскольку она по санитарным нормам годится для пятерых. Свою квартиру отдавать за так он не хочет. В неё въедет по обмену (разумеется, с доплатой) некая гр-ка Эм. Она сама-четвёртая ютится в микрореквартирке жилой площадью 9 кв. м. Ну, а я — в эту микрометражку. Разумеется, не бесплатно. (Как потом выяснится, всего-то за 800 руб. Тогдашних, конечно.)

Подали документы в бюро обмена. Ждём. Дело сомнительное. Среди оснований, по которым нам запросто (и законно!) могли отказать, значился фиктивный обмен. Гр-н Ц. с его намерениями вполне под это основание мог подпасть. И нам отказали. Но основание для отказа придумал явно не юрист. Чиновник ляпнул первое, что пришло в голову: мол, обмен ущемит интересы соседей.

Порывшись в кодексах, сочинил я заявление от имени всех троих обменщиков. Был суд. Не сразу, конечно, с проволочками. Рас-

смотрение по существу состоялось только через полгода и пришлось на мой день рождения. Весь процесс занял минут десять. Судья лишь удостоверилась, что каждый из нас считает обмен улучшением жилищных условий. После этого было принято решение в пользу истцов. А ответчиком был Исполком райсовета.

Вообще-то, власть судилась сама с собой. Я всего лишь удачно схлестнул, — как сказали бы теперь, — одну её ветвь с другой.

12.2005

А теперь послушаем начальника транспортного цеха...

В 1988 г. в "Новом мире" прочитал "Котлован" Платонова. Роман ждал своего часа больше полувека. Советские цензоры прятали его от людей не зря. Я, например, именно после этой книги перестал искренне верить, что советский строй лучше любого другого. До этого мне казалось, что спор двух общественных систем беспредметен, поскольку Отечественная его давно разрешила.

Конечно, нашу неуклюжую пропаганду воспринимал въедливо и не без ехидства. Сравнивал планы с газетными отчётами об их выполнении. Подсчитывал, сколько десятков раз одна газетная полоса поминала за здоровье очередного вождя. О результатах рассказывал сослуживцам на т.н. политинформациях. Однако пропагандистское враньё, как и любые очевидные безобразия, полагал не следствием пороков системы, а всего лишь недостатками бытия, которые надлежит по возможности быстрее устранять.

Было время, когда хотел вступить в партию, — чтобы способствовать таковому устранению. Правда, высказал своё пожелание не раньше, чем защитил кандидатскую. При этом отпадали подозрения в попытке воспользоваться партпринадлежностью для самопродвижения. И тут выяснилось презанятое обстоятельство. Оказалось, что на вступление в партию существует очередь. Действовали райкомовские квоты на каждое учреждение, например, для нашей конторы — 2 человека в год. Без очереди брали только рабочих на заводах. Так партия боролась за свою пролетарскую сущность и предотвращала саморазбавление неуправляемой интеллигенцией.

Когда понял, что за партбилетом надо записываться, как на дефицитный ширпотреб, идея приобщения к когорте усохла сама собой. Однако наивная вера в бесспорное превосходство страны и её правоустройства даже не поколебалась. Неисправимый романтик, я называл себя беспартийным большевиком и радостно брался за чисто партийные поручения, например, выезжал за старшего в подшефный совхоз.

Однажды меня даже назначили внештатным инспектором народного контроля. По нынешнему пониманию, эта госструктура должна была создавать у граждан иллюзию всепроникающего надзора низов за верхами. А в начале 80-х, когда мне поручили проверять работу мелких автохозяйств, я чуть ли не восторженно набрасывался на очередную жертву. По шофёрскому опыту дело было знакомо и снаружи, и изнутри. Кроме того, заранее знал, что на мелких автобазах процветают приписки. Приписок изначально не было разве что на крупных автокомбинатах. Там водители материально отвечали за груз, который ежели приписать, так и предъявить придётся, а где ж его взять?

С конца 70-х я время от времени получал задание обследовать карликовое автохозяйство при каком-нибудь вузе или заводике. Сходу смотрел месячную подборку путевых листов и ремонтных нарядов. Находил в них мировые рекорды производительности труда. Она многократно превосходила человеческие возможности. Об этом составлял справку и докладывал райкому НК. После бурных дебатов назначали козлом отпущения какого-нибудь начАХО и штрафовали его на половину месячного оклада. Позже штраф втихую возмещали премией. Меня благодарили за усердие.

После $(n + 1)$ -й проверки, с неизменным пустопорожним итогом, засвербило: если ты такой умный и всё видишь, как экстрасенс, то почему бы не попробовать самому навести порядок хотя бы в одном отдельно взятом автохозяйстве? Возможно, не мне одному — после многолетнего ожидания перемен — показалось, будто перестройка — уже факт, а не декламация пришельца. И я решил соучаствовать. Тем более, что на зверя и ловец прибежал. Им оказался мой коллега, пере-

водчик нашего НИИ. Мы знали друг друга по совместным выездам в совхоз. Жена этого приятеля работала в некоем лакокрасочном НИИ, который вдруг остался без начальника транспортного цеха. Охотника на это место было не сыскать, поэтому добровольца приняли на его, т.е. моих условиях. Оформили перевод без прерывания стажа и — вопреки штатному расписанию — сохранили кандидатский оклад.

Через пару дней, 10 октября 1985 г., под моим началом оказались десятки шоферов, несколько слесарей, пятеро грузчиков, двое-трое служащих, с полсотни вдрызг раздолбанных машин и склад прокисших запчастей к отечественным маркам первых послевоенных лет. Было ещё вполне приличное здание: ремзона на три канавы, гараж на три стойла (для дежурного резерва), бытовки и контора с моим кабинетом.

Для начала автослесари, может, вовсе без умысла, проэкзаменовали меня на компетентность. Приволокли снятую с УАЗ'а коробку. Дескать, выпадает включённая передача. Я быстренько раскидал агрегат, знакомый аж с 1961-го, по преддипломной практике на УАЗ'е. Так и есть. Заводской брачок: на одной мелкой детали вместо прямого угла — скругление. Уступ не фиксирует смежную деталь, а проскакивает мимо. Гордый за себя, поведал об открытии слесарям. Те были явно разочарованы. Сказали, что дефект они и сами давно обнаружили, ко мне же приходили не за диагностикой, а за помощью. Чем я мог им помочь? Металл в нужном месте голыми руками не нарастишь. Оформил рекламацию, отправил на завод, позвонил изготовителям. Оказалось, брак повальный, рекламаций тьма, отвечать нечем. Ждите, если хотите, когда завод перейдёт на другое изделие, которое может быть, окажется без этого дефекта. "Зато с другими", — подумал я и бросил трубку.

В тот же день вызвал меня главный инженер и разъяснил основную задачу: обеспечить перевозками снабжение и сбыт для опытного завода при НИИ, а также доставку сырья иногородним смежникам. Неосновные задачи я постигал уже на опыте. В ноябре предстояло ре-

анимировать автоутиль, вернувшийся с уборочной кампании, — десяток бывших грузовиков. Всю зиму надо было ежедневно направлять самосвалы и трактор на уборку снега в районе. По первому требованию РК КПСС и(ли) районного ОВД предоставлять микроавтобус(ы) для поездок в выходные дни на пикники, по грибы, а также для вывоза работников после всяких праздников вроде Дня милиции. Райком командовал мной через голову дирекции завода, по принципу резиновой резолюции Польшаева: "..., а также всё, что понадобится впредь!" Парадоксальным образом эти вроде бы побочные дела всерьёз считались первостепенными, архиважными и подлежащими безусловному исполнению. Как будто, кроме занюханного НИИ, не на кого было их повесить. Понятно, что никаких ресурсов на решение сверхзадач не выделялось и не планировалось.

А раз нет в плане, то нет и в натуре. Впрочем, если есть в плане, это не значит, что в натуре тоже есть. Хотя в стране планировалось всё и вся, причём по науке. Например, некий НИИ расход запчастей рассчитывал по теории износа (из носа?). На этом строились нормы, плановые заявки и, наконец, распределялись фонды. Фонды — это те же продуктовые карточки, только на железки. По этим карточкам цех на 50 машин мог получить в год, условно говоря, 0,1 запчасти каждого наименования, или 1 шт. раз в 10 лет. А если безусловно, то по некоторым позициям это были даже сотые доли.

Меж тем детали изнашивались и ломались явно не по науке — ежедневно, ежечасно и помногу. Из-за копеечного резинового колечка, какой-нибудь прокладки или приводного ремня останавливались трактор, автопогрузчик, микроавтобус, самосвал и т.д. За неделю обездвиженным мог оказаться весь парк. Для меня это была катастрофа, — даже если не принимать во внимание вещи посерьёзнее: составившиеся аккумуляторы, изношенные шины, агрегаты и т.д.

Первое время пытался что-то выпрашивать и выменивать. Весь день выискивал по отраслевому справочнику телефоны автохозяйств, договаривался, ездил, валялся в ногах у коллег. Те нехотя подавали на

бедность. Очень быстро понял, что христарадничать — не выход. Машины стояли, план горел, телефон злобно верещал, а я ничего не мог сделать. Даже ремзавод, который обязан был поставить нам двигатели по фондам, требовал взамен вне фондов краску нашего завода. Мне её кто-нибудь даст? От безысходности я стал просто прятаться: бродил по цехам, лечил зубы в санчасти, беседовал с юристом и т.п.

Народ безмолвствовал. Шофера, слесари и грузчики пьянствовали всегда, а от безделья — вдвое. Косяком пошли пьяные травмы. Рабочего придавило электрокаром к грузовику. Меня стали тягать на комиссию по технике безопасности и штрафовать. Пока не сильно, но ощутимо. Потом к следователю. Как оказалось, по делам предшественника. Тот разрешал водителям и слесарям повторно использовать выброшенные в утиль детали. Причём криминал был не в том, что это чревато аварией, а в неучтённости материальных ценностей (!). По последствию нагорело и мне. Предписано было утиль оприходовать и сдать как металлолом.

Разобраться со старым железом было куда проще, чем ладить с подчинёнными. Если честно, я этого просто не умел и не знал, как к ним подступиться. Во мне крепко засела заноза народного контролёрства. Не приходило в голову, что рабочий вовсе не обязан знать, как выглядит его зарплата на бумаге, в нарядах и путёвках; с приписками она начислена или нет. Лишь бы она соответствовала обещанной при найме. Мало того. Если шофёру предстояло самому добывать, а проще говоря, воровать или покупать ворованные запчасти, то расходы ему обещали компенсировать доплатами. Представителем обещавшей стороны для него был непосредственный начальник.

Тогда я этого понимать не хотел. Первые же наряды ремонтников, которые нормировщица дала мне на подпись, я завернул по причине их фантастичности. Разгорелся скандал. Главный орал и топал ногами: "Мы тут все в дерьме, а ты один весь в белом!?" Рабочие перестали со мной разговаривать. По заводу быстро разнеслось: новый начтранс оставил свой цех без зарплаты. Я упирался, как мог: в это

время за приписки уже угодил под следствие мой родственник. Ему тоже приходилось “рисовать” наряды. В стройцехе большого завода. И мне это надо?

Дирекция вытащила из отпуска моего зама, тот всё подписал, зарплату люди получили, но ничего не забыли. Они, например, знали, что я хожу через ремзону всегда привычным путём. Однажды переходная доска над ремонтной канавой оказалась подпиленной и подломилась (хорошо, не проломилась) подо мной. На каком-то заседании комиссии по борьбе с пьянством (была и такая) я не стал защищать шофёра, а наоборот, призывал обрушить кару. Ответ был, как говорят дипломаты, асимметричным. За несколько дней до Нового года мне в кабинет стали беспрерывно звонить работники НИИ и завода, с одинаковой просьбой — продать им водку прямо сейчас и побольше. В те дни всюду разгоралась горбачёвская антиалкогольная кампания. Люди убивали друг друга в очередях за спиртным. Это не метафора. Одного убитого видел сам, рядом с винным магазином у меня во дворе. И вот в это время кто-то вывесил в проходной дацзыбао. Дескать, по случаю предстоящего праздника все желающие могут купить водку без ограничений. Обращаться к начальнику транспортного цеха.

Когда я об этом узнал, то впервые искренне порадовался за своих подопечных. Выходка позабавила и примирила меня с ними. С их подачи занялся крайне нужным для них делом. Начал “выбивать” новую спецодежду. Она тоже планировалась и нормировалась. Она тоже приходила в негодность и изнашивалась не по планам и нормам, а естественным порядком. Да и нормы были несуразными. Например, водителю микроавтобуса, который половину времени проводил под машиной, из защитной одежды полагались только нитяные перчатки, одна пара на год. В то же время на заводском складе плесневели телогрейки, спецовки, рабочая обувь и т.д. Уж не помню, как, но одолел все препоны и был счастлив не меньше рабочих, когда они облачались в новенькие костюмы и ватники. Спецовочная опупея осталась единственным моим достижением на скользком командирском мостике.

В последние дни декабря вдруг оказалось, что судьба заводского годового плана зависит от одной единственной ездки. Надо было отвезти в Ярославль цистерну какого-то химиката. Без этого весь завод остаётся без премий. А виноват буду я. Как на грех, водитель нужной автоцистерны то ли приболел, то ли в отпуск ушёл. Кого попало на машину не посадишь: нужен допуск, которого больше ни у кого нет. Я уже был готов сам сесть за руль, но по счастью, этого не понадобилось. Директор договорился где-то в верхах, что цистерну зачтут в план 1985-го, а отправить её можно и в начале января. Я вздохнул с облегчением и... ушёл в отпуск, — чтобы искать новую работу.

04.02.2006

Пень для идиота

Видел старую кинодраму "Зина-Зинуля". Героиня — из тех, кто в советские времена не усвоил райкинского: "Не поймите меня правильно!" Принимает идею системы и пыгается воевать за эту идею против самой системы. Сидя на пеньке. Не протеста ради, а справедливости для.

Выбора у таких людей практически не было. Сдаться и стать, как все, они не могли. Оставалось погибнуть от нестигаемости. Да ещё утянуть за собой на погибель единомышленников, которые из чувства самосохранения, переставали быть таковыми.

Фильм кончается вопросительным знаком. Авторы не могли видеть выхода, которого не было. По крайней мере тогда, в 80-х. Хотя многим (и мне) казалось, что желанные перемены уже свершились.

По сюжету и времени действия кино совпадает с моей попыткой упираться от приписок в транспортном цехе. Так и тянет на цитату из романа: *Боже, какими мы были наивными!*

29.08.2006

На пенсию — с чистой совестью

Был май 1989-го. Советская власть тоже ещё была. Как и производственная гимнастика. Для тех, кто не застал: это разрешённые КЗоТ'ом перерывы на физзарядку. Её даже всесоюзное радио транслировало. А местные радиоузлы в обязательном порядке ретранслировали дважды в день, в 11.00 и 15.00. Была и официальная должность: инструктор производственной гимнастики. Служилый люд под шумок откровенно балдел. Домохозяйки легально металась по продмагам. Дымочадцы легитимно коптили лестницы. Некурящие штурмовали недооткрытые буфеты. Физкультпауза плавно перетекала в обеденный перерыв.

Были среди нормальных наукообразных и подозрительные особи. Эти КЗоТ понимали буквально. Махали под радиомузыку руками-ногами, тягали гирию, играли блиц в пинг-понг или шахматы. В общем, создавали нездоровый фон всеобщему благоденствию. Читатель догадлив: и я там был. В погожие майские дни мы с приятелями выбегали из госстройного небоскрёба на проспекте Вернадского, в соседний двор, к турнику. Законной паузы как раз хватало на т.н. эстафету. Участники по очереди подтягиваются сначала 10 раз, потом 9, 8, 7 и т.д., до отказа организма.

Погода благоприятствовала. Но вот подтягиваюсь, как обычно, какой-то раз. И тут под левую лопатку кто-то всаживает лопатку сапёрную. Не буквально, конечно, — как за месяц до того кое-кому в Тбилиси. А по ощущению. Ещё два-три дня виртуальная железка сидела в спине и не давала ни разогнуться, ни глубоко вздохнуть. Когда отлегло, решил: это знак. Пора расхмучиваться. Позади четвертьвековая научная подёнщина. Последние 16 лет — на фоне каторжной переводческой сдельщины. Что бросить, а с чем остаться

ся, — уже не вопрос. Наука иссякала так же стремительно, как набухла и обесценивалась научная зарплата. Толмачеству суждено было превратиться из попутного занятия в основное. На подножном корму. Где найдёшь работу, там и вкальвай. Хоть круглые сутки, а не урывками между рабочим днём и тревожным сном. Без трудовой книжки. Без оплаченных болезней и отпусков. Пенсия? — До неё ещё 11 лет. Вы уверены дожить?

Ушёл в никуда. Точнее, просто домой. Первые год-два по инерции кормился от ВЦП (Всесоюзный центр переводов). Перед увольнением из науки даже запасся справкой с места покидаемой работы. Без такой цидулы совместительство в СССР не допускалось. Но скоро ВЦП перестал быть монополистом и задышал на ладан. Клиентуру живо растащили шустрые перехватчики из бывших внештатников того же ВЦП. Меж тем расплодилось газеты бесплатных объявлений. Искать работу стало где и как. Клёв был всяким, то бешеным до изнеможения, то никаким. Когда совсем не клевало, на ум шли и реализовались абсурдные идеи. Рифмовал на заказ. Быстро стошнило. Потом про огород вспомнить пришлось. И, наконец, про свою грамотейность.

Ещё с советских времён получал я шофёрский журнальчик "За безопасность движения". Издательнице полезное. Правда, бесила его пещерная орфография. Вот и напросился в редакцию корректором. Правил распечатки. Глаза сразу подсели. Стал возить с собой настольную лампу. Помогло. Хотя пора было просто обзаводиться очками. Скоро, однако, из корректоров меня изгнали. По жалобам читателей на вопиющую безграмотность последних выпусков. Я точно знал, что компьютерный наборщик просто не смотрел в мою правку. После каждого номера я его ловил на этом и тыкал носом. Хотел он того или нет, но меня подставил. Что потом стало с тем журнальчиком, не знаю.

В эпоху *обирализации* заказы на переводы пошли косяком. Порой в очереди на исполнение их скапливалось до полудюжины. После многолетней практики в ВЦП тематика меня не стесняла. Брался за

всё. От проходческих щитов до микроинструмента. От биохимии до геофизики. От бухучёта до педагогики. Письменно и устно. Даже озвучивал по-немецки кино про наших космонавтов.

Потом хлынули *уезжанты*. Их историческая родина воспринимала советские трудкнижки только в переложении на свой государственный язык. Правда, именно с этим я прокололся. Некая фирма зывала желающих переводить бумаги переселенцев. Обещали (не без оснований) кучу работы надолго и (возможно) много денег. Тест я проходил вместе с десятком молодых соискательниц. Пока управлялся со своим заданием, дамы активно консультировались у меня, как более опытного. Итог понятен. Дам приняли всех. Меня отсеяли по непригодности.

Довольно долго ангажировал меня и некий постоянный кормилец. Бывший чиновник всесоюзного лесоповального главка назначил себя бизнесменом. Купил печать, снял офис где-то на центральных задворках и посадил рядом с собой смазливую секретаршу. Пытался торговать то ли архангельским горбылём, то ли якутскими алмазами. И тем и другим одинаково безуспешно. Так же безуспешно, но упорно пытался стать урождённым швейцарцем. Отказался от фамилии жены в пользу своей девичьей, в смысле, отцовской. Что ж, не 30-е годы — можно без опаски возвращаться к корням. Новообращённый г-н Schmuckli даже создал собственный Союз русских швейцарцев и породнил его с только что реанимированным Дворянским собранием. Чем бы дитя ни тешилось. Но захотелось ему от Гельветции ещё и гражданства. По праву рождения. Завертелась карусель: бумаги, визиты, разговоры — переводчик без работы не скучал. В вождёленной стране были назначены родственники из однофамильцев. Благо этих Schmuckli там, как у нас Ивановых. Родственники и их знакомые лесоторговцы зачастили в Москву.

Лишне объяснять, что соискатель нового гражданства ни на одном из четырёх конфедеративных языков не изъяснялся. Мало того. Его письма я переводил дважды. Сначала с лесоповального на русс-

кий, а уж потом на немецкий. Ему, однако, хотелось, чтобы его поклоны и приветы *а-ля рюс* я воспроизводил по-немецки дословно. Из-за этого мы порой искрили. Но не сильно. Он же не мог обойтись без меня. Ему пришлось, например, таскать меня за собой по лесосекам Коми АССР.

Забавный был вояж. Сыктывкар, Ухта. Поезда, самолёты, чёрные "Волги". Явление на стыке эпох. Январь 1991-го. В местной столице моего заказчика, а точнее, прибывших с ним двух швейцарских лесоторговцев, встречали абсолютно по-советски, как высоких иностранных гостей. Ну, прям заждались! Переговоры не то в горкоме, не то горсовете. Ужин в ресторане. Сауна с шампанским. Потом якобы чай в гостинице. И вся кутерьма — через переводчика. И чтоб к утру бумаги составить на двух языках. Без компьютера. А уже третий час утра или ночи. Оделел. Протокол о намерениях составил. Приняли и подписали. Чем кончилось, не помню. Дела у клиента завяли. Машину угнали. Офис пришлось ликвиднуть. На секретарше жениться. С женой развестись. Квартиру ей отдать. Себе купить другую. Для этого дачу продать. О Швейцарии забыть.

Но это его трудности. У меня своя незадача. Работаешь, не разгибаясь, а гонорар несоизмерим даже со словарями. Любой из них тянет минимум на полсотни доллариев. Говорю книгопродавцу: купил бы, но неммыслимо. Тот посоветовал работать за валюту. Как в лужу глядел. В апреле 1993-го на меня вышло московское бюро Volkswagen. Предложили создать свою переводческую контору. Стать её хозяином и выпускающим редактором. Отказался. Не прельщало меня ни заползать под кривой хомут предпринимательства, ни переписывать заново чужие тексты. Сошлись на том, что на вербовал для VW по Москве бригаду, в которой каждый сам за себя. С той поры и до осени 2005-го немецкий автоконцерн был моим основным заказчиком.

Заработанная валюта шла прежде всего на компьютеризацию. Уже через полгода приобрёл свой первый *ящик*. Затем не раз обновлял *hard&soft*. Программы и аппаратуру. Они должны были поспевать

за потребностями клиентов. Учился на ходу, всегда спешно, зато успешно.

Осваивать новые программы помогал сын. Без него я бы вообще как *user* не состоялся. При его поддержке пропустил через себя всю эволюцию фирменного документооборота. Поначалу мне вручали для обработки мешок (!) немецких распечаток. Но в 2000 г. локальная сеть VW дотянулась до Москвы. Чтобы научиться в этой сети работать, съездил на семинар в Ганновер. В конце концов не только задания и переводы, но даже гонорары потекли по проводам.

Поток работ все эти годы пульсировал почти в советском ритме. Год чётко делился на три этапа: спячка, раскачка и штурмовая горячка. Дела самого концерна в России шли по-всякому, но мне работы хватало всегда, а после дефолта в 1998-м её даже резко прибавилось.

Теперь можно было себе позволить и марафоны в Европах, и лыжи выпендрёжные. Зря что ли из ящика не вылезал годами. Особенно летом и перед *Weihnachtswochen* (западным Рождеством), в декабре.

Но тратить деньги порой было просто некогда. Зато накапливать дензнаки до чреватого количества окружающие не позволяли. Но однажды и они не то чтобы проморгали, но оказались вне обстоятельств. Дело в том, что гонорары поступали ко мне ещё менее регулярно, чем заказы. Нет, фирма ни разу не надула. Но задержки по нескольку месяцев были правилом. Конечно, трудно было планировать свой бюджет. Зато когда выплата всё же происходила, то в руках осязались весьма серьёзные суммы. Жаль было изводить их по мелочам.

Последнее такое скопление запоздалых слонов пришлось на конец 1999-го. Как раз замаячила пенсия. Пока ещё не как источник существования. Даже не рубеж между тогдашним здоровьем и грядущим наоборот. Просто как предстоящий юбилей и, стало быть, повод сделать себе подарок. На всю оставшуюся жизнь. Мне неплохо жилось в моей отдельной пещере со всеми удобствами. В той самой, которую в 1983-м я отсудил у советской власти. Но угрызло самолюбие.

Получалось, что за 43 года трудового стажа я себе даже на стандартную однокомнатную не заработал. Ой ли?

По рекламным газетам разведал, что почём. В тот год московская недвижимость всё ещё отходила от дефолта. Поэтому цены определяла платёжеспособность, а не жадность. Иначе говоря, они были во много раз ниже нынешних. Для меня это означало: могу и сделаю.

Сразу нашёл то, что нужно. Хотелось перебраться в лыжный район и поближе к родне, в Чертаново. С будущим продавцом договорился при первом же визите. Больше вариантов не искал. Не так скоро, но нашёлся покупатель и на мою микрометражку.

Конечно, напрыгался по поводу всяческих цидулек. Но кого в России удивишь заколдованными кругами, по которым мечутся замордованные бумажкопросители. Система не просто запутана. Не сразу, так потом. она любого загоняет в тупик. К примеру, очередь в какое-нибудь занюханное БТИ надо занимать и сторожить с полуночи. И не факт, что успеешь к вечеру добраться до окошка. От окошка в лучшем случае побежишь в сбербанк. В худшем узнаешь, какую закорючку или печать тебе забыли поставить на принесённых бумажках. Выстраданная *выпись* действительна месяц. А приём в следующей конторе раз в месяц и только вчера был. Нотариус сделку не заверяет без передачи денег. А деньги нельзя передавать до регистрации сделки. А регистрация — не раньше двух недель после нотариуса. И т.д. и т.п. Всё это сограждане проходили. Об этом даже песни слагают, типа: "Кто хочет, тот добьётся". Конечно, бюрократия противна. Зато одолима. Упорством. За счёт здоровья.

Парадокс в том, что страдальцы от бюрократии ещё и сами мучают друг друга. Интересы партнёров, разумеется, совпадают. Но ведь совпадают и препятствия. Один упирается и методично одолевает неотвратимые пороги. Другой же рассказывает, почему он не может сделать того же. Ни сейчас, ни в ближайшие дни. Как будто лично для него всё само рассосётся. Да ещё отдыхать уедет. Или приболеет на неделю-другую. Вот такой мне достался продавец. Приходилось сви-

репетить и подпихивать. Действовало, но только до следующей препоны. Меня это бесило. Но в общем, кончилось, чем задумано. Мы лишь немного не успели к моему 60-летию. Правда, к финалу я так перегрелся, что чуть было не сорвал всё дело.

Нам помогал агент моего покупателя. Накануне дня икс агент заехал ко мне и забрал ксерокопии документов, — чтобы заранее готовить тексты договоров. Утром еду на решающую встречу. Никаких лишних бумаг не беру: ведь агент вчера всё взял. В торжественный момент нотариус собирает со всех троих подельников подлинники. Мои — остались дома! Замороженное подсознание отождествило их с копиями.

Немая сцена. Агент сажает меня в свой раздолбанный "Москвич". Скачем с Нового Арбата в Ховрино и обратно. Уф! Можно идти в банк и грузить деньги на хранение — до регистрации. Из банка звоню Надёжнейшей Подруге, которая обещала в нужный момент вернуть должок. Это две трети того, что с меня причитается в пользу продавца. Дама живёт рядом, прилетает почти незамедлительно и приносит... треть долга. Её подставили, разорили, она потеряла всё, это — последнее, отнято у детей (их она прихватила с собой) и т.п.

Оповещаю присутствующих о своей внезапной финансовой немощи. Ещё одна немая сцена. Во взглядах — откровенное: с кем связались? Только агент не растерялся. Посоветовал вместо недостающей суммы сдать на хранение мою расписку. И подтвердить факт свидетельским протоколом. Сдали и подтвердили. Ура. Домой вернулся на грани инсульта.

Назавтра занял недостающее у коллеги. Под залог своих уже заработанных гонораров. Отвёз продавцу. Через неделю подоспела регистрация. В миг собрал пожитки и... две недели жил на коробках. Продавец улёгся в больницу. Нагавкал на его жену. Она созвала знакомых. Те постарались. Ободрали квартиру до голых стен. Напоследок вырвали раковину на кухне и обрезали все патроны: не оставили ни одной лампочки. Но это выяснится только при въезде. А перед выезд-

дом меня ещё успеет обокрасть сосед по лестничной клетке. Жулик сволок к себе в квартиру холодильник, который я выставил на лестницу перед погрузкой в машину. По вызову приезжали милиционеры, потыкали автоматами в неработающий соседский звонок и ушли ни с чем. Может, всё к лучшему. "Газель" мы и так загрузили до отказа. В неё даже швабра не вошла, не то что холодильник.

Меж тем двухнедельный тайм-аут сгодился. До переезда оформил пенсию, выписался с прежнего места, прописался на новом и перевёл туда едва открытое пенсионное дело. Собес меня, конечно, погонял от всей души. Нет, вовсе не за то, что по бумагам я последние 11 лет неведомо чем жил и занимался. А потому, что моя научная контора за эти годы трижды меняла статус и название. Пришлось помаячить по Москве и трижды переписывать справки. Оделел.

Пенсия от этого, разумеется, больше не стала. Тогда это было не столь важно: зарабатывал гораздо больше. А ко времени, когда работать перестал, она выросла в несколько раз. Не за мои заслуги, конечно, а далёким эхом от нефтяных цен. Так или иначе, но мне хватает. Помогает принцип: потребности не шире возможностей. Собственно, из него я исходил всю жизнь. Теперь — тем более.

02.04.2006

Итого

Благополучная жизнь. Могла, конечно, случайно оборваться. Даже в самом начале. Под бомбёжкой. В поезде Ряжск — Москва. Проскочили. Или после войны. В мои 7 или 8 лет. Чугунной трубой по балде. Шапка спасла. Той же балдой о бульжную мостовую. Кто-то донёс на руках до клиники. В 1982-м машина сбила на тротуаре. В 2003-м напоролся лыжей на осколок бутылки. В обоих случаях рухнул в сантиметре от чугунного штакетника. В 1968-м чуть не вознёсся вместе с коллегами от лобового столкновения на ночной Ленинградке. Отрулил. В тюрьму мог угодить лет в 15 — за шофёрство не по разуму. Мокрая трава выручила. А если бы в 1971-м сбежавшая из моего отряда пионерка-акселератка и вправду покалечилась? Повезло, тревога ложная. Всего однажды пришлось удирать от пистолета. Но его владельцу всё же оказалось не до меня. Обошлось.

Не бедствовал. Разве что недоедал, как все. Войну, по малолетству, принимал за обычную жизнь. Поскольку другой жизни ещё не знал. Сам не воевал. Высоко не забирался. Зато с высоты не падал. Ежели чего хотел, добивался. Потому что не хотел невозможного. Долго учился, часто менял занятия, много повидал.

В общем, биография полна сюжетов, но "без революций и потрясений". И — как-то сбоку от суматошной истории. Удалось проскочить сквозь века и эпохи. Из второй тысячелетки в третью. Через войну, послевоенную лихомань, череду вождей-недоумков, окончательно-бесповоротный и развитый социализм, недостроенный коммунизм, перестройку "до основанья" — в дебильторекламный постсоветский базар.

Вот такой Lebenslauf (забег по жизни). От пролетария ответственного труда до ветерана заслуженного отдыха.

30.03.2006

Под развесистой птицей

Переучёт живописателей

Не был тут больше 40 лет. Теперь вот обновляю впечатления.

Самая большая мерзость — обледенелые подходы от метро. Тротуары съедены машинами. Отираешься меж стенами и бортами. И — ни одного указателя. Я-то проберусь. А приезжие? Впрочем, они вроде бы ничего не замечают. И то верно: не бурчать приехали.

Самая большая радость: всё цело, все на месте. Разве что вместо усатой статуи над парадной лестницей — скромный безымянный бюстик. Может, Основатель? Жаль, не видит, какие снаружи и внутри цвет, блеск и сияние. А уж холсты...

Вообще-то, на холстах вижу не больше, чем нарисовано. Но могу и этого не разглядеть, — ежели краски от времени потемнели и слились. На мелкие полотна вообще не напрягаюсь: не вижу и всё тут. Зато здоровенные, во всю стену, радостно узнаю. Ещё портретам радуюсь. Как старым знакомым. Из «Родной речи» для второго класса.

Больше всего банкетки понравились. Скамейки такие. Чтоб созерцать, не уставая ногами. Раньше в залах только стулья кривоногие по углам стояли. Они и сейчас тут. С верёвками по диагонали: не могли сесть на музейную мебель! В детстве я эти верёвки люто ненавидел. А ещё — тётки, которые верёвочки сторожили. Теперь-то понимаю: тётки ни при чём. Просто тогда у страны на банкетки денег не было.

Зато теперь есть. И пенсионеров сюда пускают почти даром. Даже без документов. Просто на тебя смотрят и не ошибаются. Ещё бахилы дают, как в поликлинике. Лучше бы тряпочные, с завязками: одноразовые галошки на моих чоботах рвутся от натуги. Так что в другой раз — со своими тапочками. Хотя это уж не скоро. Во всяком случае вы успеете догадаться, где я был.

13.03.2009

Без дельтаплана за пазухой

Восхитительный *низзяк* я решил сильно не урезАть, а воспроизвести почти целиком. Итак.

Правила поведения на исторической территории (Коломенское).

Не разрешается:

- *передвигаться и размещаться на газонах;*
- *засорять территорию, разводить костры, собирать плоды, ягоды и цветы, выгуливать собак, ловить птиц и животных, ломать зеленые насаждения;*
- *передвигаться на автотранспорте, за исключением автомашин со специальными пропусками;*
- *кататься на велосипедах, самокатах, роликовых коньках, использовать дельтапланы, парaplаны;*
- *купаться в Москве-реке, прудах и других водоемах;*
- *приносить с собой и употреблять алкогольные напитки;*
- *находиться в нетрезвом состоянии;*
- *загорать.*

Восторг обуял с первых слов (*Стоять! Не двигаться!*), взметнулся до небес в середине (*Куда на самокате?!*) и не иссяк с последним рыком (*Я те позагораю!*). Как трогательно обо мне упеклись. Ни роллер на меня не наедет, ни планерист не налетит.

Самим заповедным владыкам вольнО шастатьть на отдельно взятых лошадях и любых лошадиных силах со спецпропуском. А хоть бы и на кораблях. Не зря при входе громко начертано: “ГМЗ Коломенское преллагает гостям катание на лошадях и прогулки на теплоходах”. Что ж, хозяин — барин.

Барин хороший. Прозорливый донельзя. Он меня ещё не видел, а наперёд знает все мои повадки. И передвигаться захочу, и мусор жечь буду, и цветы-ягоды оборву, и пса приведу, птиц и живность переловлю, на джипе въеду, дров наломаю, водку с собой прихвачу, напьюсь, полезу в воду и, если вылезу, то непременно на газон загорать улягусь. А могу и с неба рухнуть. На парашуте.

Всё правильно. Единственное, что не вошло в головы запретителей: а вдруг я приду просто погулять и посмотреть? И ещё. При несомненном совершенстве заповедного запретительства есть в нём досадные прорехи. Неясно, например,, могу ли я прилететь на пушечном ядре? Или хотя бы притарахтеть на попутном танке?
12.03.2009

День лобызайцев

Импортный *loveday*. День всеобщих лобызаний. Негде плюнуть от надувательских сердечек. Дозволено целоваться. Ещё чуток и будет велено. Не только водителям в телевизоре, а всем и прилюдно. Нецелованты утрепещутся.

Там, где всё это от века, оно давно приелось. Поэтому канадцы, например, в этот день наклеивают портретики любимых на боксёрские груши.

Нашим, ежели по правде, спецдень вообще ни к чему. У нас и так всегда всё можно. Можно любить квас, любить Ксюшу, любить их обоих. В смысле, Ксюшу по фамилии Квас. Бывает и такая. Она у нас на двери подъезда увековечена. Кто-то её разок отлюбил гвоздём по домофону — и весь подъезд в свидетелях. На дню сто раз и ежедневно.

Уже за полночь огрѐб я строгача с занесением в *имейл*: "Сегодня все всем объяснялись в любви. А меня... А мне... Никто... Только один... А остальные... Даже ты..."

Я ж говорил, будет велено. Оказалось, — уже. Приятно, конечно, ежели кто-то ждёт не дожждётся твоих признаний. Но не тянет меня строиться за остальными! А вот изволь теперь объясняться, почему не объяснился, как все, в нужный день. Кстати, что за день-то? — А помер в этот день некто. Поп католический. Итальянский, вроде. И что, я ему теперь должен?

14.02.2006

Башню снесло

Решено уменьшить высоту башни “Россия”.

Из городских новостей

Снесло не взрывной волной и не ураганом. Мозговой атакой. Она стряслась по большой нужде, — когда для башни иссякли башли. Те, кто придумал забить посреди Москвы 600-метровый кол, хором напряглись и возопили *эврику*.

Немыслимым прежде образом вдруг оказалось: ежели усечь вселенский торчок по высоте втрое, то он обойдётся дешевле. А вовсе не наоборот, — как пугали сверхценители столичной земли.

На этом откровения мозговых штурмовиков не кончились. Неожиданно для самих себя они прозрели не только в высь, но и под землю. Потому что выяснили: рыть гаражи под башней дороже, чем заасфальтировать стоянку рядом.

Такова несомненная польза от исчезновения шальных деньжищ. Когда кончатся и остальные, бывший небогык снова урежут, а то и прихлопнут. Останется от него мокрое место. Бассейн «Россия». На колу мочало...

А мы будем жить, как и жили. Безбашенно.

10.02.2009

Капиталовлагатель

— Алё, Маша? Ну, мы сегодня идём брать. Не кого, а седан. Нет, универсал хуже. Мне тут в Гостиничном проезде за триста предложили. Я к ним рванул, а они четыреста пятьдесят накрутили. Ну, там сигнализация, то, сё. Лучше здесь возьмём. Ага. Как договорились. Я сейчас в банке. Возьму и пойдём. Всё, целую. Да, Маш, а цвет какой? Красный нельзя, каждый ГАИшник тормозить будет. Лучше серебристый, нейтральный. Но тогда без задних подлокотников. Ну, у них набор такой, Маш. Либо цвет, либо подлокотники. Лады, обойдёмся без задних. Зато цвет твой. Берём.

— Алё, Вов, не знаешь, Серёга мне деньги не передавал? Он много должен. Не передавал? А через соседей? А то я сегодня машину покупаю. Седан. Серебристый. Да, Маша захотела. Ну, мы вместе идём. Ладно, Вов, звякни, если Серёга принесёт. Сам не могу. У него мобила не вякает. Всё, жду.

— Алё, Андрюха, я в банке. Ну, да, сам знаешь. Всё, как хотел. Так и будет. А как иначе. Нормально. Будь.

До чего же прижгло парня хвастануть! Но до обидного некому утереть нос прямо сейчас. Хотя почему некому? — А вот этим, которые тут роятся за своими копейками от родной страны? Пусть не просто торчат в очереди, а слушают и свирепеют от наслаждения.

09.02.2009

О пользе идиотизма

1920 год. СССР, КГБ, выборы, вожди, враги народа, коллективизация, Союз писателей, идеологический охмурёж, железный занавес — ничего этого ещё нет, и оно не скоро будет.

Но уже есть человек, который знает: грядут Единое Государство, Бюро Охранителей, День Единогласия, Главный Благодетель и его Машина для истребления врагов счастья, Война города против деревни, Государственные поэты, Благодетельное иго разума, Зелёная Стена и т.д.

Прозорливец — Евгений Замятин. Его антиутопия «Мы» — почти сплошь предсказание. Тогда как «1984» — скорее гротеск, роман абсурда. Оруэлл напишет его почти тридцатью годами позже (1949), когда Система уже победит окончательно и бесповоротно.

Так или иначе, оба автора снова и снова возвращают к неотвязному: «Окажись я в молодости не глупее их, где бы я теперь был, да был ли вообще?»

04.02.2009

Архиерня

*Новоизбранный патриарх родился в 1948 г.
Из сводки новостей.*

Народ надо постоянно чем-то дурить. Марксизмом, перестройкой, перхотью с подгузниками, мылодрамами, а теперь вот ещё электоральными рясами.

Население от всей этой дури чётко растрАивается. Распадается натрое. Одни дурью кормятся, другие озлобляются, а третьим без разницы. Пока все три населения по поводу всякой дури промеж собой разбираются, властители могут спать спокойно и делать всё, что хотят.

Всегда так было, и всё то же грядёт. На сей раз лично меня позабавил результат. Нет, не потому, что его все знали загодя. А потому, что я теперь старше патриарха. Стало быть, *архиарх*.

28.01.2009

Хиты запоздалые

Жили-были двое. Сначала долго и врозь, потом вместе, зато недолго. Она для него всем была хороша, но ещё лучше показалась ему журавлиха в небе. Та покурлыкала и скрылась, а наземная пара распалась. Он остался сам при себе, а её отпустил на волю. Против её воли. Потому что на волю ей от него совсем не хотелось. Скорее, наоборот.

Да и кому захочется — из привычного в неизвестное? Но горевала не очень. Даже в работе не совсем утопилась. Потому что удачу свою не проглядела. Ведь та за ней уже вовсю охотилась. Кто везёт, тому везёт. Везло неотвратимо и во всём. Ну, квартира-машина, само собой. А там и настоящее замужество грянуло.

Для полной радости от новой жизни надо было ею сверкануть. Понятно, перед кем. Сверкнула. Правда, квартиру её он и раньше видел. Зато на машине его покатала. Ещё свадебные фото ему выслала.

Потом угораздило её песни свои ему отправить. О талантах её он знал и их ценил. Особенно потому, что сам ничем таким одарён не был. Только таланты её во времена их совместной жизни где-то на стороне возникали. По работе, а не по делу. В смысле, не дома.

Достал он из электронной почты её голос и прирос к динамику. Еле оторвался и сразу позвонил:

— Что же ты мне раньше-то никогда не пела?! Услыхал бы такое, — не отпустил бы.

— Ты же не просил никогда.

Теперь и просить не надо. Он просто обречённо тычет кнопку:

Бежит ручей, журчит ручей,

И я ничья, и ты ничей...

19.12.2008

Самоедское чтиво

Мало ли что можно в книжках намолоть.

В. Маяковский

Комната полузавалена книгами:

Прошлые жизни,

Секреты управления чакрой,

Секреты абсолютной женственности,

Как завоевать самых лучших мужчин,

Жизнь, смерть, освобождение,

Счастлив по собственному желанию,

Управление подсознанием,

Здоровье человека в нездоровом мире

и ещё десятки подобных названий. Дианетика, эзотерика, псевдопсихология, оккультизм и прочая заумь. Для меня — просто бред. К несчастью, для владельца вся эта макулатура — не просто учебники жизни, а ещё и пособия по скоростному переходу в небытие. Под видом бесконечного самосовершенствования.

Поглотитель этого чтива дважды за последние месяцы уморил себя до «03». Врачам обычной больнички под силу только пожарный оживляж. От макулатурного сдвига они не лечат.

Меж тем страстное заглубление в жизнеутвердительную писанину вовсе не безобидно. Несколько лет назад я уже был свидетелем, как доведённое до крайности, оно летально помutilо рассудок.

27.12.2008

Шарль Перро(н)

*Угасают свечи,
Умолкают речи,
Огонёк качается,
Сказочка кончается...*

Песенка из радиосказки «Буратино»

Поезд несколько дней тарахтел через всю страну, чтобы где-то на Урале подобрать ночную пассажирку и привезти её в Москву, на Ярославский. Тридцать первого. Вопреки одолённому расстоянию, поезд прибыл минута в минуту. Как в сказке. Встречавший даже не успел замёрзнуть на предновогоднем юру.

В тот день они успели прогуляться по новогоднему лесу, нарядить новогоднюю ёлку, приготовить новогодний ужин, зажечь новогодние свечи, устроить новогодние танцы, прозвенеть новогодними бокалами, а потом вышли проветриться — под громыханье и шипенье вездесущих самохвальных новогодних салютов.

Москва мгновенно проглотила новогодние каникулы. Вот уже снова Ярославский. Чтобы зря не мёрзнуть, на перрон вышли всего минут за десять до отхода. Поезда не было. Ни живьём, ни на табло. На идиотский вопрос промороженный милиционер ответил гениально просто: «Вы в билет посмотрите».

Билет она купила месяц назад. Обратный раньше, чем прямой. Так спокойней для обоих. И только теперь прочитала то, от чего милиционер давно устал ухмыляться. Её поезд пришёл на Ярославский. Но уходил с Казанского. Ему, поезду, так удобней.

За оставшиеся минуты они вприпрыжку проскочили по километровому переходу под площадью почти всех вокзалов, встречу загра-

дительным воззваниям «Входа нет» и «Нет выхода». Наконец, прорвались на перрон. Ещё во-время. Но поезда не было. Ни живьём, ни вдали, ни на табло. То ли уже, то ли вообще. Потому что в расписании он отходил... завтра. Но дежурная заверила: «В расписании завтра. Но у вас в билете сегодня. Значит, сегодня и ушёл. Какие претензии?»

Билет сдали, другой купили. Вдвоём десятикратно проверили, когда и с какого вокзала. Четыре часа мёрзли в продувной ожидаловке. Согрелись его армейскими байками сорокалетней давности.

За полчаса до отхода толпа повалила на перрон. Поезд уже был. Но только на табло. А живьём был пронзительный морозный ветер. Двое околевали вместе с отъезжим людом. Она покорно мёрзла. Он вздымал её дорожную сумку, как гантелю, и просто скакал на месте.

Через полчаса оказалось, что тепловоз, которому предстояло вытянуть состав с отстойных путей, заперт в тупике предыдущим поездом. Тот отправился всего на десять минут раньше. Но даже после этого тепловоз ворохнулся отнюдь не сразу. В общем, когда минуло время отправляться, состав торжественно подполз к перрону. Тут все увидели, где у него хвост, а где наоборот. Ошиблись тоже все. Поэтому толпа располовинилась. Половинки ломанулись встречно. И тут же согрелись. Трением о встречные слова.

Он посадил её в вагон и ушёл, не оглядываясь. Скорей в метро, а то, чего доброго, поезд вообще не уйдёт.

Через несколько дней толкнуло: а с какой стати ему взбрело встречать её именно на Ярославском? Тем более, что в момент прибытия поезд был только живьём, а на табло — отнюдь!

Тогда, в день её отъезда а Москву, они по телефону упредили любой форс-мажор: лифт застрянет, метро остановится и т.п. Предусмотрели всё, кроме очевидного: восточный экспресс запросто мог въехать совсем даже не с севера. Но въехал. Наверное, машинист во-время кому-то из пассажиров в билет заглянул. Под Новый год чего не бывает.

06 — 24.01.2009

Выть на Волгу

*Не знаю ничего скучнее бороды Карла Маркса.
Г. Уэллс. "Россия во мгле"*

РазвитОй коммунизм — это когда мне — по потребностям, а от меня — ничего. КПСС не только не обманула меня лично, но и перевыполнила свой главный посул. Про поколение, которое будет жить. И, если доживёт, то окажется.

Дожил и оказался. Среди полностью утолённых и утоляемых потребностей. Всё, что надо, приобретено. Десять, а то и двадцать лет назад. И теперь уже настолько ничего не надо, что даже не знаешь, что почём. Ну, может, кроме еды в универсаме. Хотя и там, как ни стараюсь, всю пенсию оставить не получается. Всё время что-то остаётся. То на дальнюю поездку, то на кроссовки, а то и на книжку. Не сберегательную, а издать. Например, книжку о россиязме как высшей стадии коммунизма. Той, при которой есть всё. Кроме потребностей.

Когда своих потребностей нет, подсунут чужую. Старому знакомому взбрело пристегнуть меня к себе. Сопровожденцем на остров коммунизма. По халявной путёвке. Я сдуру поехал.

Поехал заложником собственного согласия по недомыслию. Хотя потери очевидны: привычный быт, компьютер, телефон, интернет, короче, все удобства.

А чего стоила идиотская опупея с допущательной цидулькой. Кто бы знал, как мне хотелось их пришибить! Всех этих гиппократических посылателей. Но вот парадокс. Тайно наделся, что именно они-то в последний момент и возведут заградительную подлянку. Скажут, цидулька не такая или ещё что-нибудь.

Обретения сомнительны: разве что щи не варить. Главное, не представлял, как уживусь с соседом. Упывал лишь на то, что за год до того, в больничке, это у меня получалось. И вообще, предстоящее заведение как раз к больничке-то ближе всего. Тот же режим, та же неистребимая никчемность бытия.

Пришлось пережить. Зато теперь убеждён: Уэллс не прав. Гораздо скучнее марксистской бороды — придуманный бороданосцем коммунизм. Но я прощаю Уэллсу его заблуждение, поскольку при настоящем, архисоветском коммунизме он не жил. Зато я. Коммунистический оазис нашёлся в центре среднерусской рыночной пустыни. Здесь чудом уцелел добротный оздоровительный совхоз, сиречь санаторий. Земля и постройки не прихватизированы, не заброшены, не перепроданы. Хозяйство не запущено, а крутится вовсю. Чего стОит, к примеру, бассейн. Он невелик, но при нём — артезианка, водоподготовка, аэрация и т.д.

До места долетели на "Неоплане". Едва тронулись, загрохотал салонный телевизор. Из рулилы в салон попёр дым. Захотелось выброситься в иллюминатор. Почему-то только мне. Решил не выделяться и не выбросился.

Зато обратный полёт вершился без телегрохоталки. Да и водила паровозил только в подмосковной пробке. Перешибал окружающую среду.

Зато уж аборигены, — если судить по обслуге, — самая приятная неожиданность. Они наивно верят, что в ответ на просьбу её лучше исполнить, а не препираться до изнеможения. Может, потому, что ценят свою работу. Её тут поищи, хотя бы и копеечную. А может, просто не приучены ложиться костью, чтобы отбоариться. Или ещё проще: добры от рождения. Так или иначе, но общение с ними навело меня — с опозданием едва ли не на 70 лет — на простую мысль. Ежели тебе от человека чего-то надо, ты ему сперва что-нибудь дай. Нечего дать, — хотя бы скажи спасибо. Будто он твою просьбу уже выполнил. Действует безотказно.

Впрочем, тут и безо всякого спасибо работают споро, чётко и слаженно. Когда по штормовому предупреждению погас свет, всё продолжалось своим чередом. При фонарях и свечках. Их наверняка припасли заранее. Меня отключка застигла в клубе, где я мирно дремал под пожухлым фильмишкой. Кинщик буквально под руки свёл меня с крыльца. И вернулся убирать свои кинопричиндалы. Прочие зрители канули во тьму. В этот миг зарево на том берегу Волги тоже погасло. Я остался на дне черноты. Фонарик у меня был. Но был там, куда предстояло добраться. Двинулся в темь. Штанами нащупал проход в ограде из декоративных цепей. Побрёл к повороту и промазал. Забурился в грязь. Грянул дождь. Поверх дождя засвистало ветром. Жуть! Хорошо, вдали сверкнул фонарик: кинщик шёл напролом к жилому корпусу. За ветром меня не услышал. Но я хотя бы понял, куда грести. Выгреб. На третий этаж поднимался мимо дежурных со свечками. Номер своей комнаты определил на ощупь. Дверь оказалась запертой. Сокамерник нашёлся внизу. Вторым заходом я добрался-таки до своего фонаря. Потом не расставался с ним даже днём. А в тот вечер было мне счастье: четыре часа без телевизора.

Беда была не в том, что соседу — 78, со всеми вытекающими и вылезаящими. О них он меня не только предупредил при вселении, но и подробно оповещал впоследствии. Хуже всего, что он — телетавр. В первый же день, едва войдя в комнату, врубился в ящик. Я робко заметил, что глуховат и телевизор смотрю без звука. Он расслышал только начало и услужливо прибавил громкость. Чтобы не убавлять её до самого отъезда. Я сделал вид, что мне так лучше. Этот вид помог нам ужиться. Но сначала захотелось повеситься.

Снова решил не выделяться. Выручила медицина. Во-первых, соседа она каждодневно пролечила чуть ли не до обеда. Во-вторых, благодаря диетологам местная лечебная еда принуждала усиленно потреблять приволжский кислород. На воздухах. На коммунистическом жранилове организм круглосуточно работал газогенератором. Из-за этого — в условиях людского окружения — вся умственная деятель-

ность индивида сосредотачивалась на управлении выхлопным клапаном. Кто-то снимал умственное напряжение в кабинете психологической разгрузки. Мне с избытком хватало самовыгуливания. Благо евроноябрь.

Один лыжный день всё же был. Но пока разведывал прилегающий лес. стемнело. А ночью снег смыло дождём. В непогоду играл в шахматы с достойным соперником. Всегда выигрывал. Сам у себя.

К исходу срока по-настоящему отвлёкся. Под видом самодеятельности случилась презентация моей книжки. Сильно пожалел, что поленился и взял с собой всего 3 экземпляра. Можно было раздать вдесятеро больше.

Раздал и вдесятеро. Бубенчик внутриаборной славы напоследок звякнул ещё. С теми, кто захотел заполучить книжку, договорились встретиться у санаторного автобуса в день очередного заезда. То, что приволок, расхватили чуть ли не за гранью приличия. Правда, те, с кем договаривались, не пришли.

Итоги санаторной опупеи скорее порадовали, чем наоборот. Во-первых, похудел — вопреки коммунистическому изобилию. Во-вторых, обрёл новых читателей. А невосполнимые нервные клетки просто заранее списал на убытки. Чтоб не жалеть.

08.11 — 02.12.2009

Зря в ящик

Созерцамс

Время копить и хранить ушло. Давно настала пора выбрасывать и раздавать. А ещё — смотреть. Пусть уже полузряче. Под ноги, по сторонам, вокруг. Или хотя бы в телевизор. Слышать, замечать, обращать внимание, запоминать. Потом с чем-то сопоставлять и воспроизводить. Своими, не замызганными словами.

Когда-то я очень завидовал одной кошке. Посреди квартирной суеты она оставалась мраморно-невозмутимой. Как сфинкс. Как сама отстранённость. Отрешённо, не поводя ухом, созерцала мир с высоты настенного шкафа. Из-под потолка.

Думала ли она о чём-нибудь? — Скорее, да, чем нет. Потому что она была не простой кошкой: сама с детства научилась пользоваться унитазом. Много вы видели человеческих детей, которые вот так же, сами? Впрочем, понятно, что кошке я завидовал не по этому поводу.

Сегодня уже не завидую. Потому что могу созерцать, сколько в голову влезет.

25.02.2009

Организменные излишества

Года полтора назад у электроплитки отказали регуляторы. Пере- стали выключать. Правая конфорка стала жарить на пределе. Теперь у меня новая плитка. Но я уже привык пользоваться только одной, пра- вой конфоркой, а её регулятор сам ставлю на максимум. Столь же при- вычно не доверяю выключателям конфорок. Каждый раз выдёргиваю вилку из розетки. С бычьим усилием и риском вырвать розетку вмес- те с куском стены. То есть даже в таком простом агрегате — прорва лишнего: вторая конфорка, два регулятора, выключатели.

Чего уж говорить об организме. Нет, я не про аппендикс и ожи- рение. Меня плитка донимает. В смысле, окажись у меня снова два зрячих глаза и два слышащих уха, — я бы тогда один глаз прищури- вал, а одно ухо затыкал? Ведь супротив давно привычного они явно лишние.

Не знаю, как вы, а телевизор со мной согласится. Он на днях о том же поведал. Мол, у каждого из нас все деньги — лишние. Кроме трёх тыщ рублей в месяц. На них вполне можно жить. До самого кон- ца. Кризиса. А вы чего подумали?

Сумма меня не удивила. Я уже не первый год так живу. В пол- ном довольстве. С единственным опасением: как бы не растолстеть.

Поразился другому: откуда эту цифру по ту сторону экрана вы- знали? Неужто заэкранный антикризисный рекомендатель на себе по- пробовал? Если так, то зря мучился. Лучше б меня спросил. Но я ему благодарен, пусть даже за плагиат. Ведь получается, что я давно уже впереди паровоза. На самом правильном пути.

02.03.2009

Счастье перед едой

Ящик озаботился счастьем для всех и поведал о химической природе именно счастья. Гормоны, эндорфины, тестостерон и прочие счастьеносные субстанции. Подопытные мыши-крысы, морские свинки, пассивные и активные из(л)учатели счастья.

Последние выглядели не счастливее мышей и крыс. Зато охотно делились опытом. Учили жить счастливо. Мол, счастье начинается, когда кончается несчастье. А ещё желания должны быть в изобилии. Кто хочет, тот добьётся. Чтобы потом...

Всё правильно. Только мне это давно известно. Без научных грызунов. Ну, хотя бы из песни 40-х годов. Из кино, в котором она прозвучала. «Пятнадцатилетний капитан». И конечно, из собственно бытия. Которое уже после.

Лично меня занимает счастье парадоксальное. К примеру, совсем недавно вдруг понял: зубы даны человеку не для жевать. А для полного счастья. Оно неизбежно, когда их уже нет. Вообще. Они мучили всю жизнь. И вот теперь их нет. Муки позади, а жизнь ещё есть. И можно есть. Даже без зубов.

Или вот поезд ушёл — тоже счастье. Потому что ушёл наконец-то. Когда ожиданты уже заledenели на перроне.

Пока я рассуждал, обучатель не унялся. Оказалось, что счастье, которое уже есть, надо беречь от утечки. В канализацию — через ванну, раковину и унитаз. И за окно, — которое без занавесок. По мне, ежели так, то нечего мелочиться: купить танк и закупориться наглухо. Ни грамма счастья не утечёт. Ни химического, ни химерического.

27.02.2009

Воробей в зоопарке

Жизнь имеет смысл только как явление эстетическое.

Ф. Ницше

С годами всё огорчительнее понимать: практически всё прекрасное, чему был современником, — мимо ух.

Нынче, как всегда по утрам, ящик рассказывал о некоей былой знаменитости. Джазовый певец, голливудец. Замечательный, выдающийся, всемирно известный, гениальный и т.д.

Понятно, что упреждающие восторги, — как и приклеенные аплодисменты или подкладной смех за кадром, — только отвлекают и раздражают. Впрочем, они и нужны лишь для того, чтобы беспрестанно убеждать слушателя или зрителя в его идиотизме.

Поэтому пытался слушать не рассказчика, а певца. Но — не проникся, не колыхнулся. Не доходит, не греет, не трогает, не запоминается. Вот разве что вокализ на тему Первого концерта Чайковского. Узнал мелодию и оживился. Как ребёнок, впервые попавший в зверинец: «Мама, смотри, — воробей!».

Увы, всё остальное — глухо. Для контраста — чужой стих, навеянный тем же исполнителем.

*Когда Фрэнк Синатра поет про Нью-Йорк -
Блестящий заоблачный рай,
То в голосе плещут добро и порок,
Энергия бьет через край.*

Иначе говоря, американский итальянец только для меня — шум в ушах. Для всех прочих — божество и вдохновенье. Неисповедимо. Тем более, что парижские песни французского итальянца, Ива Монтана, полвека назад я мог слушать до изнеможения. Может, просто дело вкуса, и не о чем горевать?

30.01 — 04.02.2009

Трое на трое. В одни ворота

Она метлу, а я беру заслонку, —

Вперед! Посмотрим, кто кого!

Ю. Ким. Песня «Гренадёры». 1962 г.

Зачем нам вмыливают газовое *мыло*? Чем лично я могу помочь троим нашим против троих ближних? Тем более, что даже трое дальних ни понять, ни разнять тех и других не в состоянии.

Вот болгары считают, что надо сменить вождей. Не наших и не ближних, а своих, болгарских. Но в Риге тоже так думают. Про своих, латвийских. Хотя рижанам газ не перекрывали, да и не очень-то он им нужен. От века углём привыкли обходиться.

Знаю лишь, чем кончится игра в заслонку, под названием «Чур, он первый начал!». Рванёт-полыхнёт так, что никаких МЧС не хватит.

Есть и поумнее меня прозорливцы. Если им верить, то во всём виновата обоюдная жадность. Мол, цены на газ вот-вот рухнут вдогонку за нефтяными. Стало быть, надо уесть, пока тебя не уели.

Может, и так. Но после январского дождя все три вождя — верховный, правящий и газовый — не вылезают из телевизора и жалуются мне на убытки. Миллиарды еврubleй. Мол, за наше удовольствие покрутить вентиль придётся платить. Это чтоб я знал, кому лично придётся. И чтоб не говорил, будто меня не предупреждали.

Вот чем мне всегда нравилась любая власть, так это предупреждениями. К примеру, аккуратно перед очередными газовыми граблями нас снова предупредили: олимпиада в Сочи не отменяется. Совсем наоборот: на неё-то деньжищ вполне хватит. В отличие от.

15.01.2009

Пик доверия

*Я спросил у ясеня,
Я спросил у тополя...*

Тот, кто придумал жилищные субсидии, очень боялся, что получатель деньги растратит, а за квартиру так и не заплатит. Поэтому никаких денег и не давали. Просто вычитали положенную сумму из коммунальных платежей.

Лет через десять вдруг оказалось: не транжиры. Наоборот, плавят впереди паровоза. Тогда субсидия перестала быть химерической минусовкой и обратилась в плюс на банковском счету. Субсиденты побегали, конечно. Промеж субсидийной конторой и банком. Он тогда на полгода в задумчивость впал. Пока понял, куда эту напасть избыть. Зато — опять же вдруг — оказалось, что все получатели живы, подлые. Хотя банковскую добавку не проедают. Несмотря на возросшее к ним доверие.

Меж тем изобретатель не дремал и решил это доверие преумножить. Для этого коммунальные льготы, которые до сей поры тоже из платежей просто вычитались, в банковские начисления обратить. Ежели эти неистребимые — не транжиры, то тем хуже для них. Пусть-ка ещё побегают. Откуда и куда? — А мы им не скажем. Пусть сами выпрашивают. У телевизора, у телефона, у окошка нашего, да где хотят.

Телевизор только смутил. Недоговорками. Журналистам лишь бы прозвенеть, а о чём — дело десятое. Телефон руки в стороны развёл. Шире собеса, где стоял. Зато по другому телефону слух прошёл: не собесное это дело. Стало быть, бежим туда, откуда доверие исходит. Там в неприметном углу что-то вроде голосовательной урны при-

строили. Для заявлений. Заполняешь бланк: мол, так и так, пусть льготы плывут туда же, куда и прочие денежные знаки безграничного доверия. И никакой отсидки ни в какой очереди.

Умилился. Бы. Если б не вопросы из идиотской головы:

— А почему нельзя было об этом сказать или сообщить? Лично мне, а не бестолковому телевизору?

— А почему этого вообще без меня нельзя было сделать?

Придуряюсь, конечно. Ответ на все идиотские вопросы мне давно известен:

— А потому!!!

Но вдруг льготный перепляс самоувяз на очередном коленце. Вождь вся Москва скомандовал из телевизора: "Полный назад!" В смысле, пусть будет, как было. То есть льготы снова вычитать из платежей, а не прибавлять к пенсиям. По этому поводу градоправитель долго нудил про ТСЖ, которые он любит, и про ДЕЗы, которые он наоборот.

Мне это нудилово — ни о чём, кроме того, что денег нет. Тех, которые прибавлять. Собственно, их никогда и не было. Тем более, теперь. Но зато вычитать деньги, которых нет, вполне получалось. В отличие от их же куда-то прибавлять. Короче, льготники получили удвоение ВВП (всевозможных платежей), а прибавку — только самые везучие. От остальных градоначальнику стало негде пройти. Пришлось *рублизацию* тормознуть. До рублеобильных времён.

В какие узлы теперь завяжутся конторщики, чтобы сплясать всю песню задом наперёд, — воображайте сами. Мы их не любим, но мне их жалко. Зато совсем не жалко тех, кто якобы не знал. Про деньги, которых нет.

Утром очнулся параллельный телеканал. Тоже столичный, но сильно тормознутый. Вчерашнего мэра вещатель не видал. Ни в каком ящике. Потому что стал поучать меня, куда бежать с заявлением на рублизацию. Ту самую!

24.12.2008 и 04.03.2009

Тюльпаны вслед

У неё был Первый. Первая любовь. Потом был муж. Осознанный выбор. Сорок лет вместе. Когда муж умер, она вздохнула: «Ну, и чего он видел в этой жизни? Работа — дом — работа. И всё».

Первый все эти годы любил её. Работал, женился, овдовел, с кем-то жил, много пил. Но если бы он слышал тот вздох, ответил бы: «Глупая. Он каждый день видел — тебя. Ты была его жизнью». И молча вздохнул бы сам: «А могла быть — моей жизнью. Если б не устремилась когда-то прочь, к осознанному выбору».

Этих слов не было. А теперь не стало и Первого. Прощальными огнями полыхнули тюльпаны...

Дома, уже вечером, она безутешно рыдала: ящик поведал о несчастной, которая сиганула с *моста Влюблённых* и утопилась. От первой любви.

19.03.2009

***Мучительное
здоровье***

Прощай, оружие!

Физкультура кончается, как только включается секундомер. Дальше — уже спорт. Последний советский комплекс ГТО содержал ветеранскую ступень, "Бодрость и здоровье". В нормативах этой ступени была только физкультура. Например, доплыть или добежать сколько-то метров, без учёта времени. И это понятно. Физкультура нацелена на здоровье, а спорт — на результат. Он здоровью не обязательно способствует. А то и наоборот.

Вот это самое наоборот особенно выпирает в спорте ветеранском. Который каких-нибудь лет 40 назад напоминал о себе всего раз в году, на потешном матче лысо-пузатых футболистов из бывших великих команд. Но с конца 70-х годов, а в СССР чуть позже, после Московской олимпиады, грянул бурный и общедоступный марафонский поток. В него сразу затянуло многих бывших спортсменов, от лыжников и альпинистов до борцов и шахматистов. Туда же устремились вислобрюхие. Они только что очнулись после первого инфаркта и сиганули в этот же поток, романтично уверенные, что он унесёт их подальше от второго.

Ветеранский спорт стал массовым (а за бугром даже кассовым, но речь не о том). Только вот наша спортивная медицина, где она вообще была, привыкла обслуживать лишь рекордистов, а массовку фильтровала через свои разрешительные справки. Не здоровья ради, а перестраховки для. Новая массовка быстро насобачилась этот фильтр обтекать. В компьютерную эпоху туфта повытеснила справки настолько, что их пришлось почти отменить. Но скверно другое. Пребывая в состоянии войны с медициной бумажной, ветераны не могли обра-

щаться к медицине лечебной. Поскольку обе совмещались в одних и тех же людях. Не будешь ведь жаловаться на боль врачу, от которого хочешь только бумажку о своём якобы космическом здоровье.

Меж тем амбиции и нагрузки в ветеранском спорте безудержно напирала на порядком изношенные организмы. Классического марафона почти сразу оказалось мало. Разве что проскакать его 100 или 200 раз. Всего за год. Возник триатлон: марафон пристегнули к заплыву на 4,5 км и велогонке на 180 км. Добежавший получал звание железного человека. Правда, титул оказался настолько недосягаемым, что дистанции триатлона скоро пришлось делить пополам и ещё на двое. А дальше — даёшь стокилометровку, суточный бег, трёхсуточный, многодневный. По дорогам, без дорог, по горам, по льду через Антарктиду, по снегу вокруг Северного полюса, по песку через пустыню, по странам и континентам, по границам необъятной Родины, наконец, вокруг света. Бегом, пешком, на велосипеде, с поклажей на плече, с грузовой тележкой, на инвалидной коляске, на протезе, с электростимулятором и даже с чужим сердцем.

Всё это восхитительно. Но только для самолюбия. Ведь запретельные нагрузки и дилетантские тренировки оборачивались травмами. Их игнорировали. Тогда они становились хроническими, необратимыми. Под лозунгом победы над собой здоровье неуёмных стало делом утопающих. Буйно расцвело самолечение методом тыка. Кому-то что-то удавалось, чаще не очень.

Победить себя. Тысячекратно воспетая мечта марафонца. Бальзам на ветеранскую душу. Молодых соперников не победишь. Поэтому добивай себя. Скачи *citius, altius, fortius*. Дальше, выше и скорее. Из родных штанов. Громи жалкие остатки организма. Что там еще не убито: глаза, колени, сердце? — Если враг не сдаётся, то так ему и надо.

Поспеть за уходящим паравозом. Не допустить, чтоб *жизнь проносилась мимо, гремя и сверкая лаковыми... лыжами*. Где-то ближе к хвосту этой лаковой и лакомой жизни ещё упрутся те, кому

под-за 70. Их ничтожно мало. Но глядя на них, упираются и те, кому под-за 60. Этих побольше. Пока. И они ещё верят: завтра будет лучше, чем вчера. Им мало того, что оно вообще будет.

Количество лет перешло в качество жизни. В прошлом оно теперь лучше, чем в будущем. Поэтому хватит воевать с самим собой. В конце очередного сезона отпраздновать все победы сразу и заключить почётный мир. Согласиться с тем, что есть. Примириться с тем, чего уже не будет. С тем, что сегодня лучше, чем завтра. Уставший ползать не взлетит. Разве что вознесётся.

Да, кому-то генетически повезло. Но ведь не тебе же. Хватит с тебя и того, что живёшь — сверх ожидаемого по статистике. Прибавочную жизнь ты заработал десятилетиями спортивного упорства. Теперь оно работает против тебя. Значит, долой спортивный экстрим. Долой бег, велосипед, коньковые лыжи, стокилометровки и “полтинники”. Теперь одна забота: никому не помешать, не путаться под ногами.

Жизнь была и до ЭТОГО.

Но ЭТО вошло в жизнь.

Чем больше было ЭТОГО, тем лучше казалась жизнь.

Долго казалось: ЭТО — сама жизнь.

А без ЭТОГО — вовсе не жизнь.

Но жизнь не выдержала ЭТОГО.

И постепенно ЭТО стало уходить из жизни.

Чем меньше становилось ЭТОГО, тем лучше казалась жизнь.

Стало ясно: жизнь есть и после ЭТОГО.

Как знать, может, без ЭТОГО жизнь даже лучше.

14.03.2006

Марафон в сухом законе

Серьёзные медики говорят: наркомания неизлечима. И вообще, и в частных проявлениях, будь то пьянство или курение. Сколько бы ни дурили нас рекламой всякие целители, вылечить от этих напастей нельзя. Но выход есть. Если человек когда-то решился на первую рюмку и(ли) сигарету, то он может принять и другое решение. Просто бросить пить и(ли) курить. Не постепенно. Не с понедельника. А прямо сейчас, резко, сразу, безоговорочно, навсегда. Без врачей-рвачей. Без внушения и устрашения. Без увещевания и вшивания. Даже без волевого напряжения. Было бы желание.

Оно неизбежно появится. Дело в том, что пьёшь и(ли) куришь ради эйфории, кайфа, раскрепощения, расслабления. За это платишь. До того — деньгами. После того — потерей памяти и человеческого облика, расстройством сна, большой головой, депрессией. В общем, "теряя здоровье, имеешь удовольствие". Но со временем удовольствие становится сомнительным. Затем исчезает вовсе. А расплата, наоборот, всё очевиднее. Терять здоровье больше нет смысла.

Этот момент наступает не сразу. У кого через год, а у кого через 30 лет. Главное, что одновременно приходит желание бросить. Оно замечательно. Потому что его можно исполнить самому, немедленно, без усилий, затрат, помех и препятствий. Достаточно сказать себе: "Всё. Хватит. Никогда больше". Можно даже не говорить. Только подумать.

Конечно, пример — не доказательство. Но пример одного — всегда надежда для другого. Потому что подтверждает возможность.

В 1984 г. у меня такого примера перед глазами не было. Но желание уже было. И я решил. Только для себя. — В отличие от поруганного генсека, который через год попытается навязать подобное решение всем. Чем кончилось, известно. А моему добровольному мораторию уже четверть века. Срок убедительный. Не сам по себе, а по результату: я ещё жив. В отличие, скажем, от тех ровесников из моего окружения, которые погибли от пьяного инсульта в свои 40 — 50 лет. То были вовсе не алкоголики. Образованные, интеллигентные, интересные люди. Не всегда преуспевающие, но благополучные. Обычные жильцы "застольного периода". Из которого они не успели выйти.

Ну, а марафон-то при чём? — Может, и ни при чём. Но так совпало, что свой первый марафон я одолел осенью 1984-го. Иначе говоря, после того. А до того никак не получалось пробежать даже 30 км. Увы, многим до поры удаётся сомнительное совмещение. Помню, как в Твери некто финишировал на марафоне, а потом жадно закурил (?!). Возлиять по случаю прошедших соревнований вообще стало чуть ли не нормой. Хотя почему "стало"? Ещё студентами мы "закрывали сезон" тем же способом. Нам тогда ещё далеко было до той самой "точки перегиба". За которой уже нет удовольствия, а маячат одни потери. Когда к ней подойдут нынешние возлиянцы, их сменят новые. С этим ничего не поделать. Если вообще. Но в частности — очень даже. Проверено не только на себе. На днях узнал: одновременно со мной и, конечно, безотносительно ко мне, начали отсчитывать свой мораторий знаменитый певец и не менее знаменитый композитор. Любой может в этом убедиться: обе знаменитости до сих пор не слезают с телеэкрана.

20.03.2006

Из-за угла — с любовью

*В Парке Горького пожарные опечатали клуб любителей бега.
Из городских новостей.*

В дивном граде жил-был зоопарк. При нём был клуб любителей жизни. В клуб ходили не все посетители зоопарка, а только те, которые любили жизнь правильно, гораздо правильнее остальных. За это правильных пускали в зоопарк бесплатно. Четырежды в неделю.

Зоопарком командовал Директор. Клуб ему был нужен. Для отчёта перед дивноградским царём — о правильной любви к жизни на вверенной территории. Поэтому в зоопарке были не только клетки, загоны, вольеры и прочие серпентарии, но и тёплый подвал, с клубом внутри. В подвале — всяческие удобства, от многоместных раздевалок до одноместного бассейна. Расходы на удобства Директор списывал по статье «любовь к жизни».

Клубом командовал выбранный Предводитель. Почти генерал. Предводить ему нравилось. Поэтому у него многое получалось. Например, каждый год собирать в зоопарке любителей жизни со всей страны. Чтобы определить, кто из них любит жизнь быстрее, выше и дальше.

Командовал он с удовольствием, — будто отдыхал. Только уставал очень. От того, что не было врагов. Ему, боевому воину, они были позарез нужны. Для любви к жизни. Иногда ему казалось, вот же они, среди своих. Те, кто любит жизнь не так правильно, как он сам. Но приглядится — нет, не получается с ними настоящей вражды. Ну, разве что из вредности переизберут ещё на срок.

Но дело-то было в зоопарке. Тут куда ни ткни, — на ловца и зверь. Подставился-таки Предводителю враг. Достойный по калибру и по чину. Директор зоопарка. В заботах о большом хозяйстве не углядел за подвалом, который чудом не полыхнул. От хлама и прочего электроразгильдяйства. Хорошо, пожарные узрели и подвал прикрыли.

Директору — большая голова: подвал чинить и клуб пристроить. Зато Предводитель увидел того, о ком мечтал. Вот он, вражина, который на подвал пожарных навёл, чтобы клуб прихлопнуть. Ату его! Бочку на Директора! А лучше целую телегу. Самому дивноградскому царю.

Покатил. Вроде и не сам. Для пущей важности в телегу Ветерана запряг.

К тому времени Директор и любители жизни уже договорились. О воссоединении клуба с зоопарком. Клубу на время — зимний дом. От клуба — Смотритель, на зарплате от зоопарка. От директора — Связной. Пусть работает со Смотрителем. Тогда Директору на клуб от зоопарка можно не отвлекаться. Зато можно спокойно думать, где деньги взять. На ремонт подвала. Теперь уже посреди кризиса.

И только было всё утрясаться начало, — телега притарахтела. Уже с царским повелением Директору: разобраться и Ветерана ответом ублажить. Директор с досады чуть было жизнь любить не научился. Но — бросил всё — взялся Ветерана ублажать. Письмом. Про белку и свисток. Про зимний дом, который уже. Про ремонт, который вот-вот.

И случилось клубное торжество. На нём, среди прочего, пили за здоровье Ветерана. Поскольку выходило: и зимний дом, и грядущий ремонт приехали на его телеге.

Предводитель воспрял и прилюдно поносил Смотрителя. За неосмотрительность. С врагом. Любители жизни кивали в рюмки.

23.02.2009

Есть ли жизнь после бега?

Ничто так не расстраивает в конце жизни, как сказка о здоровом образе жизни. Потому что раз за разом выясняется: здоровые болеют и умирают, как все.

Почему же считалось, что, например, регулярно бегающий практически не болеет? Почему он начинает болеть, как только бегать перестаёт? Почему долго живёт тот, кто не бегает вовсе? Чем в принципе здоровый образ жизни отличается от нездорового?

Последний вопрос в этом ряду — ключевой. Ответ давно известен: устойчивостью нервной системы. Поскольку *все болезни от нервов, а остальные — от любви*.

Мои, внефольклорные, рассуждения выстраиваются примерно так.

1. В основе иммунитета, т.е. невосприимчивости к болезням, — биохимическое равновесие в организме, которое автоматически поддерживает центральная нервная система (ЦНС).

2. Причина болезни — негативный сдвиг биохимического равновесия из-за расстройства ЦНС.

3. ЦНС нормально работает, т.е. управляет биохимическим равновесием только при устойчивом общем положительном настрое. Иначе говоря, первоисточник иммунитета — позитивные эмоции, удовольствие, радость бытия.

Напротив, постоянное недовольство собой, окружающими, жизнью вообще — первопричина сбоев в ЦНС и последующих болезней. Болезнь, естественно, усугубляет это недовольство и сама расша-

тывает ЦНС. Порочный круг замыкается и порой оказывается безвыходным. Стало быть, люди, неизменно довольные собой и жизнью, не должны бы болеть вовсе. Много вы видели таких счастливчиков?

Вот мы и добрались до главного. Каковы источники положительного настроения, а значит, и иммунитета? Очевидно, человек с ним рождается. А потом, в силу жизненных обстоятельств, либо сохраняет, либо утрачивает, либо искусственно поддерживает иммунитет — любимым или хотя бы приятным занятием. Таковым может быть всё, что душе угодно: личная жизнь, работа, дача, искусство и т.д. Из того, что по душе, каждый выбирает доступное. Например, в спорте едва ли не самое доступное — бег.

Итак, средство поддерживать иммунитет выбрано, и человек начинает его эксплуатировать. Бегают год, два, десять, пятьдесят лет. Всё вроде бы хорошо. Но вот затянулось очередное межсезонье: на лыжах уже нельзя, бегать ещё нельзя, в бассейн справку не дают. Настроение — хуже некуда, ЦНС сбоит, иммунитет исчезает, болезнь вылезает из засады и торжествует.

Хорошо, что бег поддерживает иммунитет. Плохо, если только бег. Потому что тогда организм — заложник бега. Выбор жёсткий: либо бегать, либо болеть. И уже не до радости: быть бы живу. Бега нужно всё больше, удовольствия всё меньше, иммунитет слабеет, возникают травмы, бег их усугубляет и в итоге сам себя отрицает.

В чём искать альтернативу? Может, в щадящем движении вроде плавания, ходьбы, лыжных прогулок и т.п.? — Разумеется.

Но почему, собственно, только в движении? Да, как правило, приятное занятие заодно избавляет от гиподинамии. Важна, однако, не амосовская *тысяча движений* сама по себе, важны положительные эмоции. Именно они, а не физическая нагрузка — первоисточник иммунитета, а значит, и критерий здорового образа жизни.

Во-первых, движение вовсе не обязательно улучшает настроение. И во-вторых, улучшить настроение можно не то чтобы вообще без движения, но без изнуряющей физической нагрузки. Особенно,

если она уже невозможна. Бесспорный пример — художник, переживший свой век. Никогда не бегал. По его словам, всегда делал лишь то, что хотел. И никогда не хотел невозможного. Или вот дядюшка мой. Прошёл через три войны, но прожил в довольстве до 96 лет и любил повторять: "Не бегал и не прыгал. А разве я плохо жил?"

Столь же бесспорные антипримеры — мазохисты, ковыляющие в арьергарде любого марафона. Через нельзя, через не могу, но с несбыточными желаниями и нереальными амбициями. Которые неизбежно чреваты разочарованием, унынием, сбоем ЦНС, потерей иммунитета, травмами, болезнями.

Итак, основа истинного, а не так называемого здорового образа жизни — не бег или иная физическая нагрузка, а хорошее настроение. Если оно приходит во время или после бега, — прелестно. Но если бегать уже невозможно, — то и не надо. Насилие над собой нас доконает. Поэтому лучше займёмся чем-нибудь для души. Можно, например, вспомнить детство и гонять на самокате. Вроде того, что на обложке. .

31.07.2006

Содержание

От составителя	3
СССР и Я. СССР и я	5
День плачущей лягушки	7
Б/у на полях развитОго социализма	9
Р/р б/р: мой котлован	17
Медный задник	21
Курортный развезжам	24
Сапоги под лампой	27
Казанский вокзал на Вахше	30
Соло новосёла	42
Транскавказское ралли. Туда, где нас не ждали	48
От Белокаменной до границы каменной	56
Стояние на молочной реке	61
Как я судился с советской властью	53
А теперь послушаем начальника транспортного цеха	65
На пенсию — с чистой совестью	72
Итого	80
Под развесистой птицей	81
Переучёт живописателей	83
Без дельтаплана за пазухой	84
День лобызайцев.	86
Башню снесло	87
Капиталовлагатель	88
О пользе идиотизма	89
Архиерня	90

Хиты запоздалые	91
Самоедское чтиво	92
Шарль Перро(н)	93
Выть на Волгу	95
Зря в ящик	99
Созерцамс	101
Организные излишества	102
Счастье перед едой	103
Воробей в зоопарке	104
Трое на трое. В одни ворота	105
Пик доверия	106
Тюльпаны вслед	108
Мучительное здоровье	109
Прощай, оружие!	111
Марафон в сухом законе	114
Из-за угла — с любовью	116
Есть ли жизнь после бега?	118

